МАЛОРОССІЯ

(ЮЖНАЯ РУСЬ) ВЪ ИСТОРІИ ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ XI ПО XVIII ВѢКЪ.

И. Прыжова.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ.»

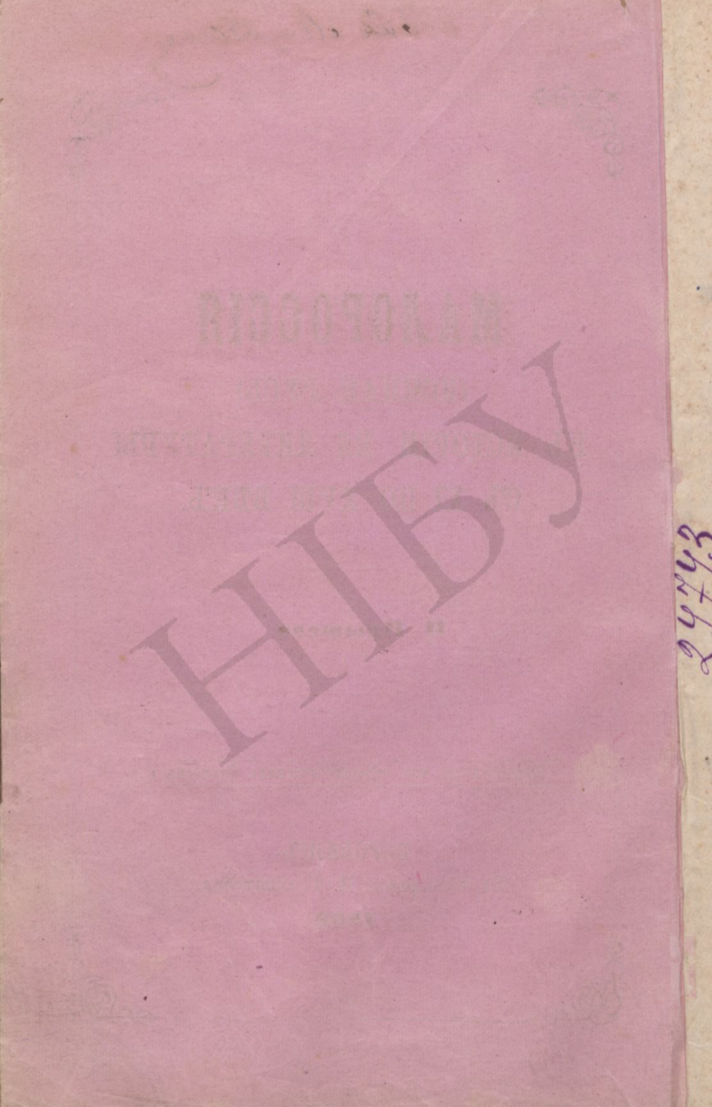
ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

1869

НІБУ
24743

МАЛОРОССІЯ

(ЮЖНАЯ РУСЬ)

ВЪ ИСТОРІИ ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ XI ПО XVIII ВѢКЪ.

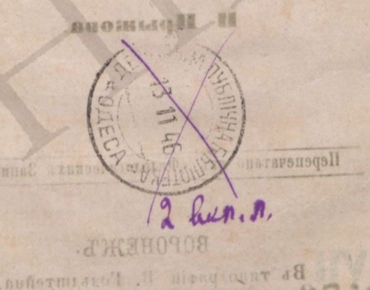
И. Прыжова.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ.»

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. Гольдштейна.
1869.

Дозволено Цензурой. Москва. 15 Февраля 1869 г.

МАЛОРОССІЯ (ЮЖНАЯ РУСЬ) ВЪ ИСТОРІИ ЕЯ ЛИТЕРАТУРЫ СЪ XI ПО XVIII ВѢКЪ *).

. . . . . Простонародная Украинская жизнь есть цѣлый міръ самостоятельныхъ понятій человѣка о томъ, какъ ему быть на свѣтѣ. Жизнь эта не такъ мелкодонна и узка, чтобы ее исчерпать наблюдательнымъ умомъ въ теченіе короткаго времени. Жизнь эта по-своему сохранила слѣды глубокой старины Славянской, и потомъ удержала остатки историческаго бытія народовъ, отъ которыхъ болѣе или менѣе зависѣло ея теченіе.—Она, однимъ словомъ, заняла насъ, какъ новая наука, которой до сихъ поръ не было дано *принадлежащаго ей мѣста въ ряду предметовъ подлежащихъ вѣдѣнію свободнаго ума человѣческаго.*

П. Кулишъ.

I.

Мѣстность, занимаемая Южно-Русскимъ племенемъ, начинается на западѣ отъ г. Сандеча, въ десяти миляхъ отъ Кракова (Галицкая Русь), захватываетъ половину Люблинской губ. (Русины), часть Гродненской и Минской (Пинчуки), занимаетъ все пространство губерній Волынской, Каменецъ-Подольской (Польщаки), Херсонской, Кіевской (Украинцы),

*) Отдавая полную справедливость добросовѣстному и кропотливому труду автора—въ изслѣдованіяхъ о Малорусской литературѣ, труду, въ которомъ собрано и такъ удачно сгруппировано все, что когда-либо говорилось у насъ до сихъ поръ о литературной дѣятельности въ Малороссіи, мы находимъ, что

Полтавской (Степовики), Харьковской, Черниговской (Гетьманцы), часть Курской, Воронежской, Таврической, всю землю Черноморскаго Войска, и на сѣверо-востокѣ доходитъ до Мглина (на сѣв. Черниг. губ.), а на югѣ упирается въ Днѣстръ и Карпаты. Все протяженіе ея, занимая 20% долготы, составляетъ слишкомъ 10870 кв. миль, и населено 14,300,000 жителей, говорящихъ Южно-Русскимъ языкомъ (См: Осн. 1861, Май, Іюнь, Ноябрь и Декабрь). Языкъ Южной-Руси заключаетъ въ себѣ столь же самобытныя и древнія черты, какъ и остальныя Славянскія нарѣчія и составляется изъ нѣсколькихъ поднарѣчій, представителемъ которыхъ служитъ нарѣчіе Полтавско-Чигиринское (Сѣгобочной Украины), заявившее себя широкой литературной дѣятельностью. На этомъ нарѣчіи пропѣлъ свои пѣсни Славянскій поэтъ Т. Г. Шевченко.

Главнѣйшія формы, отличающія Южно-Русскій языкъ, какъ онъ сложился въ настоящую минуту, далеко не достигнувъ своего послѣдняго предѣла, слѣдующія: *і* вмѣсто *ѣ*: с в і т ъ, в і н о к ъ; *і* вм. *о* и *е*: б і к ъ, в і в ц и, ж і н к а, в е ч і р ъ, к а м і н ь, ш і я; *и* вм. *ы*: в о л и; *у* вм *ы*: б у т и, д о б у т и; *іо* вм. *е*: ё м у, с л ё з а; приставка *и*, гдѣ встрѣчается стеченіе

вопросъ о самобытности Южно-Русскаго языка все-таки остается вопросомъ далеко нерѣшеннымъ. Нѣтъ спора, что Украинская литература богата произведеніями и мы готовы вѣрить свидѣтельствамъ авторитетовъ науки, которыя привелъ авторъ въ доказательство своей задачи, но желательно было бы видѣть еще болѣе осязательныхъ фактовъ въ подтвержденіе этого важнаго и спорнаго вопроса о самобытности Южно-Русскаго языка. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ эту статью почтеннаго автора ради болѣе достовѣрнаго разъясненія вопроса, въ которомъ, надѣемся, и другіе ученые не откажутъ намъ въ своихъ замѣткахъ. Статья эта есть трудъ не Малорусса, а Великорусса, слѣд. составлена не въ узкихъ интересахъ одной народности, а въ интересахъ всего народа; сверхъ того всѣ данныя передаются въ ней по памятникамъ.

Ред.

согласныхъ: иржа; отбрасываніе гласныхъ для благозвучія: голка (иголка); древнее полногласіе даже въ окончаніяхъ: Дніпро, Петро; коренное славянское *о*, дающее особое могущество Славянской рѣчи, никогда не переходитъ въ *а*; отсутствіе смягченія губныхъ: бъю, пъю, голубъ, степъ; *у* вм. *в*, и обратно: Вкраіна, усякій, вчиться; *к* вм. *ц*: квитка; *с* вм. *х* и *ш*: Петрусь, наській; *дж.* вм. *ж*: джбанъ, джерело; *з* вм. *с*: зверчений, зъ ласки вашоі; *в* вм. *л*: вовкъ, човенъ, жовтий; вставка *л*: сплять, роблять; *к* вм. *г*: лузка, брязкотати; образованіе уменьшительныхъ именъ съ оттѣнкомъ особой ласки и нѣжности: зіронька, козаченько, лишечко, спатоньки; смягченіе *т* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ настоящаго времени: ходють; смягченіе *ц* передъ гласными: травиця, хлопці; окончанія на *щі*: любощі; на *ові* и *еві*: Богові, козакові, и на *мо*: ходимо *). Словомъ, изъ соединенія сурово-могучей, коренной Славянской рѣчи съ нѣжностью языка, свойственной южному небу, сложился новый языкъ, отличающійся необыкновенной силой, звучностью и граціей.

Лучшіе представители Славянскаго языкознанія, каковы Миклошичъ (Vergl. Grammat. I. IX) и А. Шлейхеръ (Beitr. z. v. Sprachf. I. 22.) считаютъ Южно-Русскій языкъ самостоятельнымъ и самобытнымъ (Mikl: Selbständige Sprache). Ламанскій полагаетъ, что главнѣйшія отличія Южно-Русскаго языка восходятъ къ доисторическому времени (Зап. Ак. Н. VI, I., прил. 80). Профессоръ Срезневскій выражается такъ:

---

*) Лавровскій, «Обзоръ замѣч отлич. нарѣчія Малорусскаго.» Жур. М. Н. Пр., ч. CII. Тамъ же въ 1863 г: «О нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностяхъ Южно-Русскаго языка.» Въ высшей степени было бъ поучительно разсказать всю исторію споровъ объ Южно-Русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развивалось въ наукѣ установившееся о немъ понятіе.

«Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное, Великороссійское и Малороссійское» (Мысли, 40). Въ Южно-Русскомъ языкѣ онъ видитъ такой же цѣльный языкъ, какъ Сербскій или Болгарскій, и потому раздѣляетъ Славянскія нарѣчія на относящіяся къ восточному отдѣлу, которыя распадаются а) на Великорусское съ поднарѣчіемъ Бѣлорусскимъ, в) Малороссійское, восточное и западное,—и на Юго-западныя: а) Старославянское, б) Болгарское, и в) Сербское (Ж. М. Н. Пр., XL, VIII: «Обозр. гл. чертъ сродства въ Слав. нар.»). Профессоръ Лавровскій, разсмотрѣвъ формы Южно-Русскаго языка, находитъ, что они даютъ ему неоспоримое право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія Славянскія нарѣчія (ibid. 263.). Проф. Максимовичъ, еще въ 1839 г. указалъ самостоятельность Южно-Русскаго языка, и далъ ему свое мѣсто въ исторіи русскаго слова (Макс. Ист. Рус. Слов. 97, и слл.). Профессоръ Головацкій въ своемъ сочиненіи: «Розправа о языцѣ Южно-Русскомъ и его нарѣчіяхъ» (Львовъ, 1849), ссылаясь на памятники, доказывалъ, что Южно-Русскій языкъ *самостатный* и *стародавній* (стр. 19) и что въ древности онъ имѣлъ въ головныхъ зачеркахъ тую самую стать, то саме направленье, що нынѣшній (стр. 21). Наконецъ лучшій знатокъ Южно-Русскаго языка, профессоръ Бодянскій, не думая соглашаться съ мнѣніемъ, недавно возникшимъ, о позднѣйшемъ происхожденіи Малорусскаго языка, требуетъ, чтобъ люди, которые пишутъ все, что ни взбредетъ имъ въ голову, *поглубже* познакомились бы съ историческимъ развитіемъ языка (Чтенія 1858. IV, III, 72)

II.

Отдѣлившись въ сѣдой старинѣ отъ общеславянскаго корня, Южно-Русскій языкъ развивался съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ *Русскимъ* (южно-русскимъ) наро-

домъ, носившимъ древнее имя *Руси:* «Роусь» (Зап. Ак. Наукъ VI, I, прил. 121; Бодянскій, Сынъ От. 1835, 39, 173,—199; Котляревскій, О погреб. обыч. Прилож. стр. 35 и выше) и еще въ XIII вѣкѣ называвшемъ свою страну *Украиной* (П. С. Л. II 160). Центромъ русской жизни былъ Кыѥвъ, основанный въ незапамятное время, и носившій высокое имя матери русскихъ городовъ: «мати градомъ Русьскымъ.» Имя Руси распространяется на Волынь, Галичъ, и т. д., и затѣмъ становится именемъ всѣхъ земель восточнаго Славянства, связанныхъ единствомъ языка, вѣры и культуры: «се токмо Словенескъ языкъ въ Руси,» свидѣтельствуетъ начальный лѣтописецъ. И теперь, отъ устьевъ Днѣстра и до устья сѣверной Двины, не смотря на различія языка, обычаевъ, и т. д.,—все это одна великая *Русь*, *Русь-матушка* (Россія—слово книжное).

Поляне-Русь были просвѣщеннѣе своихъ сосѣдей, чему много помогалъ *Днiпро Словутний*, служившій путемъ въ Грецію и Тавриду, гдѣ еще сохранялись остатки древней образованности. Съ XI вѣка идутъ византійскія извѣстія о крещеніи Руси; въ Кіевѣ развивается христіанство; онъ становится центромъ, связующимъ сосѣднія племена, старшимъ братомъ Славянъ: «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъ-славлю». На западѣ Кіеву подавалъ руку древній *Галичъ*, гдѣ русскій князь, сидя на своемъ златокованномъ столѣ, подпиралъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступалъ путь королю, затворялъ ворота Дунаю, суды рядилъ до Дуная...

Кіевъ былъ богатъ. Кіевлянки, какъ помнитъ еще *былина*, отличались свободой, красотой и сладострастіемъ; жизнь народа связывалъ *духъ братства* и *побратимства*, нашедшій себѣ идеалъ въ братской любви Св. Бориса и Глѣба, и развившійся потомъ въ духовныя *братства* юго-западной Руси. Братская жизнь, возникавшая около князя, *вскормлен-*

ника русской земли, тянула къ себѣ людей изъ сосѣднихъ земель, и въ Кіевъ, ко Владиміру—ясно-солнышко, съѣзжались молодцы изъ Чернигова, Волынца, Галича, изъ Суздаля и Мурома, изъ Кракова и Царя—города, — съѣзжались Нѣмцы и Славяне, Чехи и Ляхи....

Не смотря на удѣльный характеръ жизни, заведенный Ярославомъ, не смотря на то, что съ XI вѣка возникаютъ отдѣльныя земли въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, на Волыни, въ Туровѣ, въ Червонной Руси и т. д.,—связь земель не прекращается, потому что правители происходятъ отъ одного рода, и помнятъ о своей обязанности печься *о Русской землѣ*, блюсти ее, беречь ее отъ обиды, класть за нее свои головы. Но князья размножались, заводили коромолы; съ княжескими междоусобіями переплетались непріязненныя отношенія земель, и являлась жизнь крайне непокойная.... Здѣсь-то возникаютъ прекрасные образы мудраго оберегателя земли и удалаго князя *Владиміра Мономаха*, и *удальца*, нерѣдкаго въ княжескихъ и народныхъ дружинахъ, выросшаго впослѣдствіи, на сѣверо-востокѣ, въ высокую и благородную личность *Ильи Муромца*, а на югѣ въ *вольнаго козака*. Нѣкоторые изслѣдователи русской исторіи предполагаютъ, что въ составъ Южно-Русскаго народа вошло извѣстное количество чуждаго населенія, которое, переработанное жизнію, на основаніи извѣстнаго этнологическаго закона, помогло создать *новую* энергическую народность. (Костом. Черты Южнор. исторіи II, 37, Котляревс. Осн. 1862. X.).

Въ этотъ-то первый періодъ своей исторической жизни, окончившійся татарскимъ погромомъ, Южная Русь, вмѣстѣ съ зачатками своей народности, вырабатывала и языкъ, и воспитывала въ нѣдрахъ своихъ христіанство, просвѣщеніе для всего восточнаго Славянства, искусство и поэзію ...

III.

Какъ ни трудно слѣдить за первымъ появленіемъ Южно-Русскаго языка, скрытаго подъ церковно-славянскими формами и недоступнаго для насъ въ большинствѣ лѣтописей и актовъ, *гдѣ*, по словамъ знатоковъ, *ни одна строка не можетъ похвалиться филологической вѣрностью*,—мы все-таки встрѣчаемся съ нимъ въ XI вѣкѣ. Формы его замѣтны въ сборникѣ 1073 г: *Оуселенноуѫ* вм. вселенную, *въгодьно, кьѣлить, кьѣтъ, оучрьмьнъ*; ѥ вм. ѥсть, *змарагдъ, каиьми любо, Оуйттелиосъ* (Виттелій) и т. д. Даже Буслаевъ, радикально отвергающій самобытность Южно-Русскаго языка, здѣсь какъ-то проговорился *о вліяніи южно-русскаго писца*, и по поводу ѥ которое въ сборникѣ постоянно вмѣсто *ѥсть*, прибавилъ: «это по малорусски» (Хрест. 276, 278). Въ XII вѣкѣ мы слышимъ южно-Русскій говоръ въ спискѣ пролога Лобкова: *чисти* вм. *чести*; *чили* вм. *или*, *чловѣкъ*, *вгню* вм. *огню*; потомъ въ грамотѣ Кіевскаго князя Мстислава Владиміровича 1128, и наконецъ въ Галицкомъ спискѣ Евангелія 1144 г: *сѣкыра выметаемо, нарицаемо, пшеніцю, свяжьте, оубоініkъ*, 3-е лиц. множ. числа на *ть*, и т. д. (Горс. и Нев Опис. Слав. ркп. I, 208). Въ XIII в., въ спискѣ поученій Ефрема Сирина мы встрѣчаемъ Южно-Русскій языкъ уже вполнѣ сложившимся. Въ этихъ-то поученіяхъ вставлено южно-русское *слово*, носящее такое заглавіе: «отъ грѣшного Георгѧ Чернорицѧ: Зарубьскыѩ пещеръі. Повчѣньѥ къ дховному чаду.» Вотъ встрѣчающіяся здѣсь главныя формы языка: *ого, ёго, идемы, работаймо, ходимо, оугодиню, жьнють, простѩ женъ, свидитель, оу часъ, оу страну, оу пагубу, повчити, увъ молитвахъ, вгодно* (Зап. Ак. Наукъ VII. II. 154. 161). Въ грамотѣ Льва Даниловича писецъ Захарія писалъ:» *вѣчнипъ, будучипъ, нашпъ*. Но драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ Южно-Русскаго языка XII в. служитъ *Слово о Полку Игоревѣ*.

IV.

Широкое развитіе южно-русской жизни вызвало эпосъ, сначала миѳическій, потомъ историческій. Великорусскій богатырскій эпосъ, получившій начало, можетъ быть, еще до племеннаго раздѣленія на Велико- и Мало-Руссовъ, сохранился, хотя далеко не въ первобытной свѣжести, въ глухихъ окраинахъ Русской земли, какъ Олонецъ, Пермь, Сибирь. — Былины, открываемыя здѣсь, рядомъ съ мамонтами, словно окаменѣлые обломки стариннаго творчества; живой, исторической жизни въ нихъ нѣтъ и слѣда. Не то было на югѣ. Въ южной Руси, не смотря на то, что грозныя событія всколебали до дна народныя массы, и новые образы отодвинули назадъ и заслонили старинный эпосъ—остатки его долго еще были цѣлы и живы; какъ будто прикованные къ Кіевскимъ горамъ, они и доселѣ еще живутъ въ памяти народа, и лѣтопись *начальнаго Кіевскаго лѣтописца*—это какъ будто комментарій на теперешнія преданія Кіевской Руси.. .

Въ Южной Руси до сихъ поръ извѣстны до-историческія преданія о *велетняхъ* (великанахъ), оставившихъ слѣды свои въ *могилахъ* и земляныхъ *валахъ* (Nowos. Lud Ukraiǹ. II, 117, I, 234; Костом. Черты Южно-рус. ист. I); древлянскій край полонъ памятью *объ Ольгѣ*; сохранились драгоцѣнныя думы *о походѣ старшаго князя язычника въ царѣградскую землю* (Кулишъ, Зап. о Юж. Руси I, 172), *о службѣ* Южноруссовъ въ Цареградѣ (Морд. Сборн. 192), *объ Олексіи Поповичѣ* (Осн. 1862, Авг.).

Распространяя христіанство и отбиваясь отъ полчищъ, напиравшихъ изъ Азіи, Кіевская Русь, съ одной стороны, слагаетъ религіозныя сказанія, а съ

другой—входитъ въ новый періодъ историческаго эпоса. Такъ въ Кіевѣ сохранилось преданіе объ Апостолѣ Андреѣ, проповѣдовавшемъ *на горахъ Кіевскихъ* (Зап. Ак. Наукъ VI, I, Прил. 110). Къ XII в., какъ видно изъ дошедшаго до насъ рукописнаго житія, сложились въ Кіевской Руси идеалы братской любви Св. Бориса и Глѣба («еже есть праздникъ новый Руськыя земли» П. С. Л. I, 95), получившихъ *высокое* народное значеніе (Кіевл. 1850, кн. 3), вошедшихъ въ легенды и народныя повѣрья, и неизвѣстныхъ съ этой стороны въ сѣверо-Востокѣ. (Бусл. Очер. II, 107) Въ битвахъ съ Печенѣгами возникаетъ сказаніе *о Кириллѣ Кожемякѣ* (Кул. Зап. о Южн. Руси I, 27), сохранившееся въ лѣтописномъ разсказѣ объ *Усмошвецѣ*, въ названіи Кіевской мѣстности *Кожемяки* (Закр. Кіевъ (въ Чт. 38. 94), и въ русской сказкѣ о *Никитѣ Кожемякѣ*. Печенѣговъ смѣняютъ Половцы. *Владиміръ Всеволодовичъ*,—знаменитый Владиміръ Мономахъ, «добрый страдалецъ за русскую землю,» соединивъ въ 1103 и 1104 гг. князей въ походъ противъ Половцевъ, ходилъ въ степь, и Половцы были разбиты. Въ походѣ участвовали не одни княжескія дружины, но и народъ (рольи); впереди войска шли священники съ образами и пѣли стихиры; побѣдѣ предшествовали знаменія свыше, и слава объ ней «ко Грекомъ и Угромъ, и Лехомъ и Чехомъ, дондеже и до Рима пройде.» Эту-то побѣду, думаетъ Костомаровъ, воспѣлъ *Боянъ*, южно-русскій пѣвецъ періода кровавой и обильной великими подвигами борьбы *за Русскую землю*. Имя Бояна сохранившееся въ Словѣ о Полку Игоревѣ—не вымыселъ,—оно, извѣстно было въ VI вѣкѣ (Stritt. Mem. Populor. II, 48); въ началѣ X вѣка у Болгаръ имя Бояна носилъ младшій братъ царя Симеона, который тоже былъ вѣщимъ пѣвцомъ (Jereč. Die Echtheit d. K. H. 50). Имя Бояна осталось въ славянскихъ фамильныхъ именахъ и въ географическихъ названіяхъ въ Албаніи, въ Италіи, въ Чехахъ, въ

Познани (Rieger. Slown. Naučný I, 13). Въ Рязанскихъ актахъ XV и XVI в. встрѣчается мѣстность, назыааемая *Бояновъ Колодезь* (Писк Др. гр. ряз кр. *2*, *3*). Русскій Боянъ пѣлъ въ XI вѣкѣ *про стараго Ярослава* (ум. 1054), который «утеръ пота» съ дружиною; про *храбраго Мстислава* (ум. 1033), «иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми»; про краснаго *Романа Мстиславича* (ум. 1079), приведшаго на Русскую землю Половцевъ, про *Олега Святославича* (ум. 1115), который «мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше»; про *Святослава Ярославича* (ум. 1076), установлявшаго вмѣстѣ съ братьями *Руссьую правду*; про Всеслава, который «людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ, Тмутороканя.» Пѣвецъ *Слова*, относящійся къ Бояну съ высокимъ уваженіемъ, величаетъ его *соловьемъ* стараго времени, *вѣщимъ пѣвцемъ*, внукомъ Велеса, т. е. бога пѣсенъ, русскаго Аполлона, и разсказываетъ про него, что онъ пѣлъ, возлагая на струны свои десять перстъ,— какъ поютъ доселѣ его потомки, украинскіе бандуристы.

Война съ тѣми же самыми Половцами вызвала въ XII вѣкѣ новаго пѣвца, оставившаго намъ *Слово о Полку Игоревѣ*. Слово это было извѣстно въ XIV вѣкѣ (Горск. и Нев. Опис. Сл рук. I, 293; Чтенія 1867, II, см. 13); слѣды его встрѣчаются въ XIV—XV вѣкѣ въ житіяхъ Святыхъ, въ историческихъ повѣстяхъ (Задонщина), въ сказкахъ, былинахъ, думахъ и пѣсняхъ (Изв. Ак. Наукъ VI, 312), и не смотря на то, что оно дошло до насъ въ позднѣйшей рукописи XV—XVI в., все-таки носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды Южно-Русскаго языка XII вѣка *).

*) Библіографію *Слова* смотри: въ Русскихъ Достопам., III, и у Максимовича: «Пѣснь о Полку Игоревѣ, сг. 1-я (въ Жур: М. Н. Пр.). Затѣмъ: Буслаева, Очер. I, 381;—Тихонравова, Слово

Пѣвецъ называетъ свое Слово *пѣснью* и *повѣстью* Сынъ Русской земли, переживающій ея горе и радости, онъ идетъ дальше Бояна: тотъ пѣлъ по своему *замышленію*, а этотъ поетъ по *былинамъ* своего времени, и является создателемъ того, полнаго живой правды, *историческаго эпоса*, который какъ увидимъ, шелъ за всей исторіей южной Руси.... Княжескій пѣвецъ, вѣроятно участвовавшій въ Игоревомъ походѣ, онъ поетъ собственно не о князѣ. а объ *Русской землѣ* Приступая къ пѣсни, онъ думаетъ начать ее отъ славнаго времени князя Владиміра и кончить Игоремъ, слѣдовательно обнять въ своей пѣснѣ всю славу Руси, прошлую и настоящую,—но останавливается только на концѣ,—на судьбахъ постигшихъ Игоря, когда онъ пошелъ на Половцевъ за *землю Русьскую*, съ Русичами *главу свою приложити*.

Походъ противъ Половцевъ былъ въ 1185 году. 25 Апрѣля. Игорь выѣхалъ изъ своего Новгорода въ Путивль, и отъ мѣста, которое доселѣ называется «*Игоревымъ Станомъ*, началъ походъ: «наведе своя храбрыя пълкы на землю Половецькую *за землю Русъкую*.—Хощу бо, говорилъ онъ, копіе приломити конець поля Половецького, съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!» Перейдя рѣку Осколу, Игорь дождался тамъ своего брата Всеволода, съ его Курянами; «а Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы

о Полку Игоревѣ.—Полеваго, Опытъ обозр. памятн. 91.—Пекарскаго, Зап. Ак. Наукъ V, прил. № 2.—Буслаева, Макушева и Некрасова въ Ж. М. Н. Пр. 1866, Февр. и Мартъ.—Моск. Унив. Изв. 1866—7, № 2.—Ореста Миллера, Опытъ Словесности, 355, и сл. Наука не потеряла еще надежды, что этотъ драгоцѣнный памятникъ Кіевской Руси отъищется въ лучшей рукописи въ какой нибудь монастырской или церковной библіотекѣ, или въ книгохранилищѣ старовѣровъ.

възлелѣни, конець копія въскрмлени; пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъощрени, сами скачють аки сѣрыи вълци въ полѣ, ищущи себѣ чьти, а князю слави.» 1 Мая Русичи приблизились къ Донцу, а въ Пятницу 3 Мая «потопташа поганыя плъкы Половецькыя.»—«Дремлеть въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо.» и не чуетъ, что на утро готовится жестокая битва. Битва, длившаяся полторы сутки, кончилась въ полдень пятаго Мая: «ту крававаго вина не доста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Руськую.» Между тѣмъ Святославъ въ Кіевѣ видитъ грозный сонъ, плачется на Святослава Черниговскаго, не пославшаго на помощь ему своихъ храбрыхъ дружинъ, что «безъ щитовъ, съ засапожникы, кликомъ пълкы побѣждають, звонячи въ придѣдьскую славу,» и молитъ великаго Святослава Кіевскаго, Ярослава Осмомысла Галицкаго, вступиться «за обиду сего времени, за землю Руськую, за раны Игоревы, буєго Святъславича!»—жалуется на коромолы князей, и уносится мыслью къ славнымъ русскимъ князьямъ стараго времени: «О, стонати Руськой земли, помянувше пьрвую годину и пьрвыхъ князей!» Весной слѣдующаго года Игорь возвращается изъ плѣна, вся земля радуется его возвращенію, «дѣвицы поють по Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Кыева:» «слава Игорю Святъславичу, буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава и дружинѣ!»

Въ пѣвцѣ Игоря Максимовичъ видитъ не только современника, но и участника въ походѣ на Каялу, и предполагаетъ, что первыя двѣ пѣсни Слова сложены около 1165 г, а третья въ 1186 г, когда Игорь возвратился изъ плѣна. Во всякомъ случаѣ южнорусская основа не подлежитъ теперь ни малѣйшему сомнѣнію: «народъ, поющій украинскія думы, есть потомокъ народа, создавшаго *Слово о Полку Игоревѣ* (Котля-

ревскій, Осн. 1862. X; Дубенск., стр. L.). Еще Бѣлинскій не могъ не замѣтить, что «за южное происхожденіе Слова говоритъ больше всего выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородно-человѣческое во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы, особенно поразительны благородныя отношенія половъ.» (Бѣл. V. 87—8). Южное происхожденіе Слова подтверждается 1) южно-русскими формами языка: *бьшеть*, *помняшеть*, *вѣци*, *галици*, *на кровати тисовѣ*, *птичь*, *ни птичю*, *си ночь*, *крычать телѣгы полунощы*, *аркучи*, *конецѣ поля* и т. д. 2) употребленіемъ словъ, составляющихъ принадлежность Южно-Русскаго языка: *година*, *туга*, *смага*, *яруга*, *оксамиты*, *кресити*, *брешуть*, *разсушась*, *не былонь* (укр. булонь), *Днѣпре словутицю*, и т. д.

Кромѣ этихъ двухъ великихъ пѣвцовъ Южной Руси, Волынская лѣтопись подъ 1241 г. упоминаетъ вскользь *о словутьномъ пѣвцѣ Митусѣ* (Митяй, Михаилъ): «словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити князю Данилу (Даніилу Романовичу), раздраного акы связьня (узника) приведоша.» (Вол. Л. 160). Максимовичъ полагалъ, что по характеру лѣтописнаго разсказа это совсѣмъ не пѣвецъ, а просто пѣвчій владыки Перемышльскаго (Осн. 1861. Іюнь). Но будь это такъ, лѣтописецъ ни за что не рѣшился бы назвать простаго пѣвчаго высокимъ именемъ *словутьного пѣвца*.

Этотъ періодъ Южно-русской (русской) жизни, когда въ Кіевѣ заложено было зерно Русской земли, оканчивается нашествіемъ Татаръ въ 1224 году. Въ 1240 г. Кіевъ былъ взятъ и разрушенъ; о погибели его составился новый рядъ сказаній, можетъ быть, пѣсенъ, и изъ нихъ дошли до нашего времени сказанія *о Батыѣ* (Кул. Зап. о Юж. Руси I, 315) и о *золотыхъ Кіевскихъ вратахъ* или *о Михаилѣ Семилѣткѣ* (ibid. I, 3). Семилѣтній богатырь, говоритъ Н. И. Костомаровъ,—типъ народной надежды на грядущія поколѣнія, идеалъ нестарѣющейся, вѣчно юной,

всегда обновляющейся силы народа, защищалъ Кіевъ противъ иноплеменныхъ враговъ. Татары видѣли, что онъ одинъ удерживаетъ Кіевлянъ, и предложили пощаду городу, если выдадутъ имъ богатыря Кіевляне соблазнились. Тогда Семилітокъ, выѣхавъ на своемъ чудномъ конѣ, ударилъ копьемъ въ золотыя ворота, поднялъ ихъ на воздухъ и закричалъ:

Кіяне-громадо!
Погана ваша рада!
Коли бъ ви мене не отдали,
Поки світъ-сонця Татари бъ Кіева не взяли.

Онъ проѣхалъ сквозь татарское полчище, и враги не смѣли прикоснуться къ чудотворному герою; онъ провезъ золотыя ворота даже до далекаго Цареграда, и тамъ поставилъ ихъ. Они стоятъ тамъ уже много вѣковъ. Кто пройдетъ мимо ихъ и подумаетъ: не быть золотымъ воротамъ на прежнемъ мѣстѣ,— злато на нихъ и потускнѣетъ; а кто пройдетъ мимо ихъ и скажетъ: быть вамъ, золотыя ворота, на прежнемъ мѣстѣ, въ Кіевѣ—золото заблеститъ и засіяетъ. (Кост. Черты Южно-рус. нар. II)....

V.

Жизнь Южной Руси съ 1240 г., въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, полна страданій. о которыхъ даже не упоминаетъ исторія ... Знаемъ только, что Кіевъ *остолпила* сила татарская, что отъ скрипа телѣгъ нельзя было разслышать другъ-друга, и что въ окрестностяхъ Кіева находили множество череповъ и костей человѣческихъ (Плано-Карп. II, и слл.) Въ 1320 году Гедиминъ съ войскомъ, состоявшимъ большею частію *изъ Русскихъ*, взялъ Владиміръ Волын-

скій, Луцкъ, и бояре, собранные со всей земли, признали его княземъ. Въ слѣдующемъ году онъ двинулся къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ какой-то Станиславъ, съ войскомъ, составленнымъ изъ Русскихъ и Татаръ; Гедиминъ разбилъ его, выгналъ Татаръ изъ Кіева и присоединилъ его къ Литовскому княжеству, къ которому въ 1340 г. присоединенъ былъ и древній Галичь. Въ это времм вся земля Кіевская съ принадлежавшими къ ней днѣпровскими порогами и съ землею Переяславскою составляла одно удѣльное княжество, принадлежавшее Гедиминову внуку, Владиміру Ольгердовичу, возвращенное потомъ сыну его Александру (Олельку), а по немъ доставшееся сыну его Симеону Олельковичу, возобновителю церкви Печерской, въ которой онъ и погребенъ въ 1471 г. Въ это-то время Казиміръ, король польскій, отказавъ посадить въ Кіевѣ сына Симеонова Мартина, посадилъ туда воеводу съ Литвы, Мартина Гаштольда, Ляха. Кіевляне сначала не хотѣли принять его, «яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко Ляхъ бѣ,» но потомъ вынуждены были покориться. «И отселѣ, продолжаетъ лѣтопись, на Кіевѣ князи престаша быти, а вмѣсто князей воеводы насташа.» (П. С. Л. II, 358). Литовское владычество обновило одряхлѣвшій и разложившійся порядокъ Южной-Руси. Сложивъ южно-русскую жизнь, Литовцы оставили ей вѣру, право и языкъ, и, мало того, Южно-Русскій языкъ сталъ государственнымъ языкомъ, что продолжалось и при Польскомъ владычествѣ. Въ 1576 г. брацлавская шляхта, не смотря на то, что состояла изъ Католиковъ, била челомъ королю Стефану, чтобъ велѣно было писать къ нимъ *по-русски*, а не на польскомъ языкѣ. (См. А. З. Росс. III, 64). Самый Статутъ Литовскій нисколько не былъ Литовскимъ сочиненіемъ, а только дальнѣйшимъ развитіемъ древне-русскаго права. (Кул. Зап. о Юж. Рус. III. 215). Въ Литовскомъ Статутѣ, написанномъ на Русскомъ языкѣ, въ разд. IV, арт. 1, было поста-

новлено, что писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги по-русски, словомъ и буквами русскими; въ Арт. 37, что воеводы и старосты избираютъ въ судьи и писаря только знающихъ право и грамоту русскую («в праве и писма русского уместнихъ»). И вотъ теперь судьбы міра выводятъ на позорище исторіи Южно-русскій народъ съ его теплымъ и свѣтлымъ христіанствомъ, народъ, невѣдавшій ни расколовъ, ни ересей,—чуждый всякой нетерпимости и фанатизма, необыкновенно богатый пѣснями, въ которыхъ слышится его доброе, любящее сердце, горячо преданное своей *матери Украинѣ*,—народъ умный и честный, не ничтожный народъ, а, напротивъ, *хранитель началъ высшей гражданственности* (Чорна Рада). Въ этомъ-то народѣ, по словамъ Русалки Днѣторовой (Будимъ, 1837) «душа русска була середъ Славянщины, якъ чиста слёза дівоча въ долони Серафима»...

При Гедиминовичахъ еще невидно было приднѣпровскаго козачества, которое становится извѣстнымъ только послѣ 1471 года, указаннаго выше, развивается при Сигизмундѣ 1-мъ (1506—1548), со времени гетьмана *Евстафія Ивановича Дашкевича* (1518—1536), и вступаетъ въ полную силу со времени несчастнаго присоединенія южной Руси къ Польшѣ въ 1569 году.—Тогда для Южно-русскаго народа опять наступило время борьбы *за Русскую землю*, и въ теченіе этой борьбы въ Южной Руси возникаютъ *просвѣщеніе* и *поэзія*....

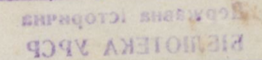
VI.

Исторію Кіевскаго просвѣщенія должно начинать въ XI вѣкѣ съ преподобнаго Ѳеодосія, втораго Игумена Кіево-Печерской Лавры. Изъ глубины вѣковъ, гдѣ едва различишь черты Святаго, ясно слышится его высокое апостольское слово, учившее *любить человѣка*, и полагавшаго этимъ краеугольный камень Южно-русскому христіанству. Онъ говорилъ: «аще видиши нага. іли голодна. іли зимою. іли бѣдою одержима. аще ти бу жидовинъ. іли срацинъ. іли болгаринъ. іли ерет. іли латинянининъ. іли ѿ ѿто всѣх поганыхъ. всякого помилуі. і ѿ бѣды избави ꙗ аже можеши. і мъзды ѿ бга не лише буде.» Въ Кіевѣ и на Волыни, даже до времени Владиміра ведутся лѣтописи (Срезн. Чт. о Лѣт. 16. 19), собранныя въ XI вѣкѣ Несторомъ (1056 г.) въ новую *повѣсть времянныхъ лѣтъ*. Полный любви къ своей землѣ, къ своему дорогому Кіеву, Несторъ составляетъ *Житіе Бориса* и *Глѣба* и *Житіе Ѳеодосія Печерскаго*. Другіе Печерскіе монахи, *Симонъ* (┼ 1226) и *Поликарпъ* (1231), собираютъ житія другихъ отцовъ Кіевской церкви—*Печерскій Патерикъ*. Начальную лѣтопись продолжаетъ *Сильвестръ*, игуменъ Выдубицкаго монастыря (┼ 1123); трудъ *Сильвестра* продолжается въ *Кіевской лѣтописи* (до 1200). Кромѣ монастырскихъ лѣтописей, въ XIII в. является уже свѣтская лѣтопись *Галицко-Волынская* (до 1292), занятая дѣлами одной лишь юго-западной Руси. Складъ лѣтописи, полный эпическаго характера, напоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, и будущіе изслѣдователи Слова не обойдутся безъ внима-

тельнѣйшаго изученія Волынской Лѣтописи. Она дошла до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ; языкъ ея Церковно-Славянскій съ примѣсью Русскаго; но, по словамъ ученыхъ издателей лѣтописи,—*въ рѣчахъ князей и другихъ лицъ сохранился образецъ чистаго Южно-русскаго языка.* (П. С. Л. II, стр. VIII).

Кіевъ не утратилъ своего просвѣтительнаго характера и въ тяжкую годину татарскаго погрома. Когда онъ былъ разоренъ, когда его монастыри и церкви били разрушены, епископы перебиты Татарами, а митрополитъ Іосифъ погибъ даже неизвѣстно гдѣ,—въ это время Кіевскимъ митрополитомъ дѣлается *Кириллъ* II, умершій въ Переяславлѣ въ 1282 г. Въ 1274 г. Кириллъ поставилъ архимандрита Печерскаго монастыря *Серапіона* въ епископа Владимірскаго, но Серапіонъ на слѣдующій годъ умеръ. Кириллъ и Серапіонъ были тогда единственной опорой народа, положили за него душу свою, и послѣдній въ своихъ поученіяхъ оплакалъ Русскую землю, страдавшую отъ Татаръ. «За грѣхи наши, говорилъ онъ, Богъ навелъ на насъ языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красоты уны, немощи старець, младости дѣтей» (Приб. къ Тв. Св. От. 1843. 1.). Языкъ его поученій Церковно-Славянскій съ южно-русскимъ ѥ вм. ѥсть, *з*, вм. *с*, и т. д. Въ послѣдніе годы XIII в. митрополитъ Максимъ оставляетъ Кіевъ для *непокоевъ Татарскихъ*, и удаляется на сѣверъ (Густ. 346), за нимъ туда тянутся и другіе, и Кіевскій престолъ пустѣетъ до 1415 г., когда, по настоянію Витовта, снова возстановлена была Кіевская митрополія, отдѣльная отъ Московской. Памятниками Южно-русскаго языка XIV в. остались: *Луцкое Евангеліе*, *Запись* Луцкаго епископа Іоанна 1398 г. (Восток. 110-107), и затѣмъ рядъ грамотъ епископовъ, Литовскихъ королей и бояръ (Ак. отн. къ Зап. Росс. I.). Изъ тьмы XIV в. не дошло до насъ ни единаго памятника народной поэзіи, исключая развѣ нѣкоторыхъ пѣсенъ о томъ, какъ козаки гуляли—

По степяхъ, по лугахъ, по турецькыхъ горахъ,
По чорныхъ моряхъ, и... по ляцькыхъ поляхъ...

VII.

Начавшееся въ XII в. просвѣщеніе въ Кіевѣ не умираетъ, какъ не умирала въ Южной Руси любовь къ свободѣ и къ родной землѣ. Въ XV вѣкѣ въ Львовѣ (съ 1498) пишется Южно-русская лѣтопись и тянется до 1649 г. *) Въ это же время въ Литвѣ ведется «Лѣтописецъ (до 1547) великаго княжества Литовскаго и Полоцкаго,» открытый Бодянскимъ въ Познанской библіотекѣ (Чт. 1846. 1.). Въ 1556 г. писцомъ Михаиломъ, сыномъ протопопа Саноцкаго, по порученію княгини Гольшанской, переведено Четвероевангеліе съ Болгарскаго на Южно-русскій языкъ, «для лѣпшого вырозумленья люду христіанского посполитого.» Евангеліе эго открыто Бодянскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1838., Май,—Макс. Книжная стар. 1). Къ XV вѣку или къ началу XVI в. принадлежитъ переводъ на Южно-Русскій языкъ книги *Пѣсни Пѣсней* съ послѣсловіями о любви (Осн. 1861. Ноябр.). Въ переводѣ находятъ слѣды чехизма, и потому относятъ его къ тому времени, когда Скорина и другіе хлопотали о переводѣ Священнаго писанія на народныя нарѣчія. (Наук. Сб. 1865. IV. 235). Къ 1517 г. принадлежитъ Псалтирь доктора Скорины, писанный тоже Южно-Русскимъ языкомъ (Бес. Общ. Люб. Р. Слов. I. 2—27).— Московскіе печатники, которыхъ въ Москвѣ сочли за колдуновъ, бѣгутъ въ Литовскую Русь; Гетьманъ Ходкевичъ даетъ имъ у себя пріютъ, и съ 1658 года въ Южной Руси начинается книгопечатаніе, сначала на Волыни, въ Червонной Руси, а съ 1616 г. въ Кіевѣ. Елисей Плетенецкій, происходившій, какъ и Гедеонъ Балабинъ, изъ старо-шляхетскаго рода, и избранный въ 1599 году на мѣсто умершаго Печерскаго архимандрита Никифора, собралъ въ Лаврѣ знаменитое *ученое братство* и ку-

---

*) Русск. Ист. Сб. Ш, 233.—Она прежде еще издана была Войцицкимъ въ Краковскомъ журналѣ Kwartalnik-Naukowy. См. ст. Евецкаго: Телеск. 1835., 17—20.

пилъ для него *Стрятинскую типографію* (Максим. Книжн. Стар. 1.) Въ это время въ Южной-Руси совершается необыкновенно замѣчательное явленіе. Церковь и гражданинъ соединяются въ одно (Чорна рода 69): монахъ подаетъ руку воину. Вся прошедшая жизнь приводила къ тому, что монахъ часто становился въ ряды козаковъ, а козаки дѣлались монахами. Монахи благословляли козаковъ на битву, они же *святили ножи*, и въ тоже время запорожецъ шелъ въ монахи, а войсковой судья вдругъ дѣлался митрополитомъ. Монахъ и козакъ одинаково были гражданами своей земли, одинаково служили просвѣщенію,—заводили школы, изучали свою *исторію*, занимались поэзіей.

Тимъ—то й сталась по всёму світу
Страшенная Козацькая сила,
Що у васъ, панове молодці,
Була воля й душа единa!....

Этотъ братскій союзъ всей земли сказался особенно въ—двухъ великихъ людяхъ Южной Руси начала XVI вѣка, въ Гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ *Сагайдачномъ* и Кіевскомъ митрополитѣ *Петрѣ Могилѣ*.

Гроза Турокъ и Татаръ, суровый Петръ Конашевичъ Сагайдачный, въ 1599 году, наслѣдуетъ булаву послѣ Наливайки, замученнаго Поляками. Онъ даетъ сиротствующему Кіевскому престолу митрополита Іова Борецкаго, на свой счетъ возобновляетъ Богоявленское Кіевское братство, учреждаетъ фундацію на школу братства Львовскаго («на науку и на цвицены баккалавровъ ученыхъ»), и рука, которая вчера еще громила Турокъ, теперь пишетъ *объясненіе на Унію*. Сагайдачный умеръ въ 1622 году г., и погребенъ на Подолѣ, въ дому *братства церковного*. По случаю его погребенія, ректоръ Кіевскихъ школъ Кассіанъ Саковичъ написалъ стихи, носившіе такое заглавіе: «вѣршѣ на жалостный погребъ Петра Конашевича Сагайдачнаго.» Они были посвящены *Запорожскому войску*....

Съ началомъ XVI в. въ Южной Руси начинается широкая литературная и ученая дѣятельность, которая вызывалась высокимъ чувствомъ *гражданина*, охватившаго теперь каждаго изъ сыновъ Южной Руси, начиная отъ козака и до монаха. Умершій въ 1626 г. *Захарія Капыстенскій*, намѣстникъ Печерской Лавры, подписываясь въ 1616 г. подъ спискомъ Кіевскаго братства, выражался слѣдующими теплыми словами: «во иночествѣ Захарія Копыстенскій, исповѣдникъ, ненавидя зла и прилѣпляясь къ благому, принимаю и лобызаю учрежденное въ Кіевѣ братство, повинуясь апостолу, который говорилъ: братолюбіемъ другъ ко другу любезни.» Умершій въ 1631 г. Кіевскій митрополитъ *Іовъ Борецкій*, въ одномъ сочиненіи, 1621 г., предписывалъ «возбуждать и приготовлять къ св. мученичеству,—какъ самихъ себя, воспоминая слова Христовы: «пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы,—такъ и сердца народа, и чтобы съ радостію переносили расхищеніе и разграбленіе своихъ имуществъ; наконецъ, охотно, мученически принимать всякую смерть, по примѣру Господа.... въ церквахъ должна быть проповѣдь; учреждать по городамъ школы»....

По кончинѣ Копыстенскаго, въ Лаврѣ происходили споры, два года не было архимандрита, и наконецъ въ 1628 г. въ это званіе избранъ *Петръ Могила*; посвящалъ его Іовъ Борецкій.

Петръ Могила—сынъ Симеона Могилы, бывшаго господаремъ Молдавіи. Родился онъ 1597 году, и, по преданію, воспитывался въ Парижѣ, потомъ служилъ въ польскихъ войскахъ, и участвовалъ въ битвѣ съ Турками подъ Хотинымъ. Въ 1626 году онъ является въ Печерскомъ монастырѣ, а въ 1628 году избранъ митрополитомъ и посвященъ во Львовѣ. То былъ новый, свѣжій человѣкъ, который придалъ новыя силы Кіевскому просвѣщенію. Онъ самъ впослѣдствіи такъ разказывалъ о своей дѣятельности: «Когда Богъ благословилъ быть мнѣ пастыремъ столицы митрополіи Кіевской, и прежде того еще архимандритомъ

Печерской Лавры—съ того времени, видя упадокъ благочестія, въ народѣ Русскомъ не отъ чего иного, какъ оттого, что не было никакого наставленія и наукъ, я положилъ обѣтъ мой Господу Богу, все мое имущество, доставшееся отъ родителей и что только, за должнымъ удовлетвореніемъ святыхъ мѣстъ, мнѣ ввѣренныхъ, останется изъ доходовъ съ имѣній, (имъ) принадлежащихъ, обращать частію на обновленіе разрушенныхъ домовъ Божіихъ, которыхъ жалкія оставались развалины, и частію на основаніе школъ въ Кіевѣ, правъ и вольностей народа Русскаго.» Петръ Могила честно сдержалъ свое обѣщаніе. Первымъ сердечнымъ дѣломъ его было учредить въ Кіевѣ Академію. Для этого онъ отправляетъ въ заграничныя Академіи на свой счетъ нѣсколько монаховъ, другихъ беретъ изъ Львовскаго братства, и обязуется доставлять имъ въ Кіевѣ всякія пособія. Кіево-Печерская братія изъявляетъ на это полное согласіе, и въ подпискѣ, которая была сдѣлана по сему случаю, одинъ изъ монаховъ подписывается слѣдующимъ образомъ: «Антоній Мужиловскій, іеромонахъ и старецъ монастыря Печерскаго, при томъ кровь свою пролить готовъ.» Люди, избранные въ наставники, собрались въ Кіевѣ, составили изъ себя *общежительное братство*, и въ концѣ 1631 г., при святыхъ вратахъ Печерскихъ водворена была *братская школа*, получившая названіе *Кіево могилянской Коллегіи*, или какъ еще называли ее, *Кіево-могилянскіе Афины*; школа преобразована потомъ въ Кіевскую Академію. Ученики Академіи, въ числѣ которыхъ были извѣстнѣйшія фамиліи православно — русскаго дворянства, въ 1632 г. поднесли Петру Могилѣ благодарственные стихи, подъ названіемъ *Евхаристиріонъ, албо вдячность*. Устроивая свою Коллегію, свое любимое дѣтище (collegium unicum pignus meum), Петръ Могила въ тоже время участвуетъ на Сеймахъ, собираетъ соборы, пишетъ окружныя посланія, даетъ церкви изложеніе Вѣры, катихизисъ, трудится надъ исправленіемъ Библіи, думаетъ о составленіи житій Святыхъ. Вслѣдъ за Печерской типографіей, являются другія типографіи въ Кіе-

вѣ, одна въ 1625, другая въ 1627, и около Петра Могилы возникаетъ новый періодъ книгопечатанія и просвѣщенія Южной Руси. Въ Декабрѣ 1646 года Петръ Могила занемогъ, 22 числа составилъ духовное завѣщаніе, и умеръ 1 Января 1647 года. Въ своей духовной онъ назначаетъ первою своей наслѣдницей *Кіевскую Колегію*, оставляетъ ей значительныя суммы и всю свою библіотеку,—за тѣмъ поручаетъ ее покровительству знатнѣйшихъ тогда защитниковъ православія, и молитъ ихъ именемъ Бога *сохранить Академію* (Пекар. Наука и Лит. при Петрѣ. Его же: Предст. Кіев. учен. «От. Зап.» 1862. 2, 3, 4.)—Говорили, что передъ смертію Петръ Могила благословилъ Хмельницкаго на возстаніе, и наложилъ проклятіе на всякаго, кто откажется итти за нимъ. (Марк. I, 162). Одинъ изъ враговъ Петра Могилы, Саковичъ, обращаясь къ уніатамъ, такъ отзывался о Кіевскихъ школахъ: «меркнутъ ваши школы, не только предъ Латинскими (іезуитскими), но и предъ учрежденными Могилою, и эти, еслибъ въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства, со временемъ имѣли бы чѣмъ *утѣшить Русь* (Eparthosis, 113). Они утѣшили Русь только благодаря тому, что умѣли учится и любить свой народъ.....

Преемникъ Петра Могилы, Сильверстъ Коссовъ, 1 Октября 1649 г. окруженный всѣмъ Кіевскихъ духовенствомъ, встрѣчаетъ побѣдителя Поляковъ, Богдана Хмельницкаго, который въ 1656 году отдаетъ Кіевскому духовенству «лядскія маетности и млины,» доминиканскія имѣнія и села. Кіевское просвѣщеніе пріобрѣтаетъ новыя средства, но война разгорается, и Коллегія пустѣетъ: академики вступаютъ въ ряды войска, а межъ тѣмъ въ 1654 году Южная Русь присоединена къ Московскому царству.

Не говоря о церковной литературѣ, обработанной въ Кіевѣ, мы остановимся на *стихотворной* драмѣ, *исторіи* и народной *думѣ*, которыя явились полными представляли кипѣвшей кругомъ нихъ жизни.

VIII.

Писаніе стиховъ (виршей, вѣршей, отъ лат. versus, польск. wierz), особенно ради панигириковъ, было слабостью Кіевской Академіи. Пекарскій указалъ цѣлую книгу Черниговскаго епископа Максимовича, въ которой, за исключеніемъ 6-ти строкъ заглавнаго листа, все остальное — часть заглавія, предисловіе, посвященіе, текстъ и послѣсловіе, написаны силлабическими стихами: въ предисловіи и посвященіи 1094 стиха, въ текстѣ 23166. У Симеона Полоцкаго нашлась охота написать цѣлую книгу стиховъ на разные случаи (Риѳмологіонъ или Стихословъ). Силлабическая вирша завладѣла и новорожденной драмой.

Начала театра, заложенныя глубоко въ жизни каждаго народа, и развившіяся на западѣ въ цеховыхъ учрежденіяхъ, на Руси нашли себѣ пріютъ *въ Кіевскомъ братствѣ*. Съ польскаго образца, по которому устроена была академія, взято было и правило, что учитель поэзіи *обязывался* каждый годъ приготовлять для лѣтнихъ рекреацій, комедію или трагедію. Сначала является *вертепная драма*, близкая къ *мистеріи*, занесенная изъ Польши и пріуроченная къ Рождеству Христову. Классическими вертепными драмами были *Поклоненіе волхвовъ*, *Смерть Ирода*, и т. п. Представленіе драмы сопровождалось часто колядками и пѣснями: то пѣли о богатырѣ, который обложилъ городъ Львовъ и не хотѣлъ отступать безъ того, пока не выдадутъ ему золотую дѣвицу, а то воспѣвали жида, поляка и т. д. (Лѣт. Русс. лит. V отд. II, 24). Забывая легенду, вертепная драма, спускается въ жизнь и беретъ изъ нея на сцену самые разнообразные случаи, гдѣ участвуютъ шинкарь, жидъ, покупатели у жида, пьяный, который бьетъ жену, и затѣмъ различныя любовныя похожденія, очень нескромныя. *Вертепную драму*, изданную Марковичемъ, и особенно начало ея, относятъ ко времени Сагайдачнаго (1600—1620). Дѣйствующими лицами этой драмы—пономарь въ

папковомъ халатѣ, ангелы, пастухи, Иродъ, хоръ и т. д. Въ интермедіи участвуетъ солдатъ, Дарья Ивановна, цыганъ, цыганенокъ, дідъ и баба. Драма за исключеніемъ окончанія, на Церковно-Славянскомъ языкѣ; окончаніе ея и интермедія на Южно-русскомъ. Вотъ на сценѣ Полякъ и мальчикъ.

Полякъ. А цо тута за галацѣ!
Нѣхъ дзѣмбло вѣзмѣ гайдамацѣ!
Идьзь хлопку, ведзь до мене кохану,
Я ту краковяку вытанцевать стану.

Входитъ полька, танцуетъ съ полякомъ подъ пѣсню, а мальчикъ пляшетъ за спиной пана, потомъ падаетъ и убѣгаетъ вмѣстѣ съ другими, и за сценой раздается народная пѣсня:

Да не буде лучче,
Да не буде краще,
Якъ у насъ на Украини!
Що немае Жида,
Що немае Ляха,
Немае Уніи!

(Н. Марк. Обычаи, и пр.)

Симеонъ Полоцкій (1626—1680), учившійся въ заграничныхъ академіяхъ, унаслѣдовалъ отъ нихъ страсть къ стихотворству, которую онъ не покидалъ до самаго дня своей смерти. Онъ писалъ и драмы: комедію «Блудный сынъ,» трагедію «Навуходоноссоръ.» Въ 1664 году онъ пріѣхалъ въ Москву учить царевича Θеодора, и съ нимъ вмѣстѣ переселилась сюда Кіевская драма.—*Св. Димитрій Ростовскій* (1651—1709), еще во время пребыванія своего въ Южной Руси, написалъ нѣсколько драмъ: «Грѣшникъ кающійся,» «Эсѳирь» и «Агасферъ,» «Воскресеніе Христово,» «Рождество Христово.» (Лѣт. Р. Л. V, 154). Не смотря на легендарный (мистерія) характеръ его драмъ, въ нихъ являются живыя лица, говорятъ настоящимъ языкомъ. Пастыри его комедіи «Рождество Христово»

—чистые южно-руссы. На сценѣ два пастыря, Авраамъ и Аѳоня.

Авраамъ: Што братъ, гдѣ же тамъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ, ты слышишь Аѳонько?
Аѳоня: Я вже слышу и вижду: ей, птичка высоко,
Смотрите, едва бъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, на глазъ хромъ, вотъ въ гору смотрите.

Въ первой половинѣ XVIII вѣка является уже драма съ историческимъ направленіемъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ, кромѣ драмы «Владиміръ», оставилъ еще другую, представленную въ Кіевскихъ школахъ въ 1728 году. Называется она «Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкого свободившая и возвеличившая». Максимовичъ полагаетъ, что «Милость Божія» написана во время пребыванія въ Москвѣ новоизбраннаго малороссійскаго Гетмана, Даніила Апостола, такъ ласково и почетно принятаго царемъ.... Ѳеофанъ оказывалъ всяческое вниманіе маститому и доблестному вождю Козацкому, и, конечно, тогда въ Москвѣ, помянувъ свои прежніе годы и свою родину, Кіевъ, написалъ онъ для возлюбленной Академіи своей новую драму (Чтенія 1859 I, ст. 77). Драма имѣетъ видъ сценическаго произведенія, написаннаго на случай. Въ 1-мъ дѣйствіи, 1-мъ явленіи Богданъ Хмельницкій долю козацкую оплакуетъ, и новые совѣты въ умъ пріемлетъ. На его слова отвѣчаетъ хоръ: муза и Аполло грядущую Ляхомъ погибель предвозвѣщаютъ:

Не видишъ, Поляче!
Кто по тебе плаче,
Кого обиждаешъ,
Кому досаждаешъ?

. . . .

Солнце зайдетъ въ хмуры,
Вдарятъ на тя бури,
Шкуры тебе дерти,
Главы будутъ терти,
Шіи вытягати,

Въ ярмо закладати,
По лѣсахъ гонити,
По рѣкахъ топити,
Зъ склеповъ выдирати,
Ажъ за Вислу гнати.
Прійдутъ на тя злая
Непременно сяя;
Богъ бо тебе судитъ,
Судъ его не зблудитъ!

Дѣйствіе 2. Хмелницкій объявляетъ свой совѣтъ Запорожцамъ, вѣстники извѣщаютъ о приходѣ Ляховъ, козаки сѣдлаютъ коней. Дѣйствіе 3, 1 явл. На сценѣ одна *Украина*. Она «о помощь и пособіе Божіе Хмельницкому въ брани той проситъ.» Во 2 явл. вѣстникъ извѣщаетъ о побѣдахъ:

Не плачь, о Украино, престани тужити,
Печаль твою на радость время преложити....

Украина: Словеса твоя дивно мене утѣшаютъ,
Егда толикія мнѣ побѣды глашаютъ....

Дѣйствіе 4. Явл. 1. Хмельницкій съ торжествомъ на Украину возврати вся въ Кіевъ, при вратахъ торжественныхъ благодаритъ Бога за такія побѣды, дѣти Украинскіи, въ училищахъ Кіевскихъ учащіися, его привѣтствуютъ, потомъ и козаки чрезъ писаря толикой ему славы вѣншуютъ. Дѣйствіе 5. Явл. 1. Украина радуется и благодаритъ Бога. Явл. 2 Смотрѣніе Божіе указываетъ Украинѣ будущую судьбу; хоръ поетъ хвалы Хмѣльницкому. Наконецъ эпилогъ указываетъ народу на милость Божію.

Къ концу XVII в. и начала XVIII в. относятся нѣсколько южно-русскихъ *интермедій*, — чисто-народнаго склада. Въ рукоп. И. Публ. Библ., указанной Пекарскимъ, помѣщено нѣсколько интермедій, гдѣ собственно нѣтъ никакой завязки, а выведено нѣсколько лицъ, которыя ведутъ между собою разговоры. Въ одной изъ нихъ, называемой «интерлюдіи или между вброшенная забавная игралища», на сценѣ участвуютъ лица, хорошо извѣстныя въ тогдашней общественной жизни: раскольникъ,

ставленникъ, подъячій, пономарь и жидъ; раскольникъ и мошенникъ выражаются по-великорусски, а жидъ, слуга, цыганъ—по-украински (Тих. Лѣт. Р. Лит. III, II, 37). Въ другой интермедіи, тоже въ Рукоп. И Пуб. Библ. выведены гаеръ, двѣ молодки, шляхтичъ, цыганъ и купецъ. Гаеръ сначала бьетъ старуху кочергой, потомъ старуха колититъ его ухватомъ, затѣмъ слѣдуютъ самыя незастѣнчивыя сцены одной молодки съ шляхтичемъ, другой съ гаеромъ и пьянымъ мужемъ, и наконецъ цыганъ продаетъ гаера купцу за десять дукатовъ. (Пек. Мист. Ст. II). Къ тому же времени относится еще одна интермедія на три персоны: «смерть, воинъ и хлопецъ» (изъ Сборника 1788), оставшаяся у Великорусскаго народа въ драматическихъ разказахъ объ Аникѣ воинѣ (Лѣт. Р. Лит. V, II. 78 Русс. Арх. 1864. 74). Учитель піитики въ Кіевской Академіи (1736), *Довгалевскій*, пишетъ комедіи и мистеріи, составленныя изъ нѣсколькихъ интерлюдій. Въ нихъ также, какъ и въ вертепной драмѣ Марковича, на сцену выведены три народности (Московская, Южно-русская и Польская). Выходитъ козакъ, до котораго выходитъ Ляхъ на влови (на охоту): козакъ хоронится, потомъ выходятъ къ томужъ Ляху *поддании* съ поклономъ. Интерлюдія начинается думкою козака.

Мати моя старенькая, чи ти мнѣ раденькая
Моей молодости; 2.
Бувъ у Турка подъ руками, а въ Татаровъ з кайданамы
У самой жалости. 2.
Да вже правда теперь нема добра в люди,
Дармо пряцуемъ, выставляемъ груды;
Богъ виручивъ мя оттуда, а теперь мѣсця не найду,
Въ дому не сидѣты. 2.
Лѣсы, поля спустошенни, луги, сѣна покошенни;
Пороспускавъ дѣты. 2.
Толко жъ правда що треба взирати на Бога,
Той есть всѣмъ въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчь мати, пойду долѣ внизъ шукаты,

Козацкая доле! 2.
А че и буду потугою а въ Москаля заслугою.
Мати жъ моя Олее!
Спитаю, чи не буде хочь на низу добра,
Чи не трапитця де поймати лиса обо бобра.
Буду Турковъ воеваты, мечемъ слави добувати.
Буду воеваты 2.
Ей колибъ опять якъ була козацькая слава,
Що бъ распустилась всюди якъ перьями пава,
І щобъ зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ.
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкія дѣты,
Або Ляховъ на той часъ трапитца поймати,
І семъ кіевъ Козацкимъ по ребесамъ дати.

Ляхъ разсуждаетъ о ястребахъ, а ему кланяются Литвины, *его поддании*, изъ которыхъ старшій такъ учить говорить младшаго: «на здоровье табѣ пане, нехай и панеи стане і всѣмъ здітскамъ вашимъ, нехай станіе се гето тутъ приходомъ нашимъ.» Пану такое привѣтствіе не нравится; «что такое хлопы, теперь вы мнѣ говорите? и панского гнѣву не знаете?

Литвинъ. Нѣтъ, моспане, мы къ тебѣ съ поклономъ пришлѣ,
И саколю мацъ до твоей милостцѣ приніеслѣ.
Ляхъ. Возми-ка, хлопче, самаго войта, какъ старшого,
Бей, тузь, валяй, паляй, бей хорошенько, также и другого:
Что за диво мнѣ и какая бѣда—хлопа забить, убить,
какъ негоднаго сына.

Въ то время, когда полки Миниха проходили черезъ Малороссію, является типъ русскаго солдата—Москаль....

На ярмаркѣ Жидъ расположился съ своимъ шинкомъ и зазываетъ къ себѣ проходящихъ ксендзовъ.
Жидъ. Прошу на водочку, прошу—извольте пить.
Ксендзъ. Дай, жизю, на этотъ шостакъ бѣлый,
Мы не такой людъ, какъ схизма проклятая.

2-й ксен. Прошу, отче, скажи,—откуда вѣра взята?
3-й ксен. А что тутъ будешь о вѣрѣ разсуждать,
Слышу,—идетъ Москаль, будетъ штурмувать.
Москаль. Што здѣсь за шумъ, што за крыкъ, да нѣтъ ли раздоровъ?
Ксензъ. Чекай но, васпанъ, ми ни въ твоемъ двору.
Маскаль. Што болтаешь, ты меня называешь воромъ,
Да еще хвалишься здѣся сваимъ дворомъ!
Полна болтать; мнѣ нада дать скоро падводу.
(Тр. Кiев. Дух. Ак. 1865. Февр.)

Къ 40-мъ годамъ прошлаго вѣка относится *трагекомедія, сложенная Варлаамомъ Лащевскимъ въ Академіи Кіевской* (Лѣт. Р. Лит. I, II. 6.). Наконецъ, одинъ изъ лучшихъ людей Южной Русси, *Георгій Конисскій* (1717—1795) оставилъ драму въ пяти дѣйстіяхъ: «Воскресеніе мертвыхъ», показаное въ Кіевской Академіи 1747 г. трудами іеромонаха Георгія Конѣского (ib. VI. III, 177). Кіевская драма, занесенная Симеономъ Полоцкимъ на сѣверъ, тамъ замерла, не выработавъ ничего, и когда еще продолжали существовать интерлюдіи, а на театрахъ явились уже иные люди, сцены иной жизни, не имѣвшіе ничего общаго съ народомъ......... А между тѣмъ Южно-руссъ, переживая свои судьбы, постоянно вдумывался въ нихъ, часто посмѣивался надъ тѣмъ, что видѣлъ, и вѣчно сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ вырабатывалъ высоко-комическій элементъ, ярко сказавшійся во всей Южно-Русской литературѣ, начиная отъ пословицы, до пѣсни и интерлюдіи.

Съ такой же печатью народнаго духа, является въ Южной Руси и *Исторія*, которую, по прекраснымъ словамъ Максимовича, писали козаки на бранномъ полѣ оружіемъ и кровью, а потомъ переписывали на бумагу и хранили для памяти потомкамъ.» (Макс. о Сагайдачн. 352). Въ своихъ лѣтописяхъ и исторіяхъ Украинецъ является всегда въ одномъ видѣ—истиннымъ сыномъ своей родины, и эту благородную черту бережетъ, какъ увидимъ, даже въ позднѣйшихъ своихъ потомкахъ. Съ этой стороны Русь совершенно противоположна Польшѣ. По-

ляки, любя себя, забывали думать о своей землѣ, о народѣ, никогда не знали *исторіи своего народа*, и погибли отъ этого незнанія, явивъ этимъ поучительнѣйшій примѣръ для другихъ народовъ... Извѣстны роковыя слова, сказанныя Зинькевичемъ въ его предисловіи къ Scarbiec historii Polskiej: «Polacy, niemamy historii Polski!»

Напротивъ южно-русскіе историки успѣли отлично обработать исторію Южной Руси,—имъ же обязана своимъ свѣтомъ и исторія Россіи, — теперешней отчизны всѣхъ Русскихъ людей.

Мы видѣли, что въ Южной Руси лѣтопись велась, не прерываясь. Случалось, что лѣтописное сказаніе захватывало и судьбу сосѣднихъ областей, и дѣлались попытки по Русскимъ и Польскимъ источникамъ составить учебникъ исторіи. Погромъ самозванщины, охватившій сѣверо-востокъ, отзывается въ сердцахъ южно-Руссовъ, и неизвѣстное лицо, полное живаго участія къ судьбѣ сѣверныхъ братьевъ, пишетъ «плачъ о плѣненіи и о конечномъ разореніи превисокаго и пресвѣтлѣйшаго Московскаго Государства изложенъ в' пользу въ наказаніе случающимъ, сотворижеся сіе плѣніе и разореніе в' лѣто 7119,» Лѣтопись эта отыскана Судіенкомъ (Врем. V, см. 56). Лѣтописецъ поставилъ себѣ цѣлью отъискать, «чесо ради падеся превисокая и великая Россия.»

Позднѣйшія южно-Русскія лѣтописи, это собственно были сказанія о войнахъ, о Хмельницкомъ, — любимомъ героѣ лѣтописцевъ, и потомъ уже обращались въ сказанія о послѣдующихъ событіяхъ. Такова *Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмельницкаго* (Изд. Бодянск. Чт. 1846, I, II. Лѣтописецъ жилъ и дѣйствовалъ отъ начала войнъ Хмельницкаго до послѣднихъ годовъ XVII стол. Съ этой лѣтописи былъ сдѣланъ кѣмъ то *великорусскій* списокъ; и она же послужила основой для Исторіи Руссовъ Кониcскаго. (Украин. I, 153). *Самуилъ Зорка* съ Волыни, сначала служилъ *писаремъ* (по нашему—правителемъ дѣлъ при военномъ штабѣ) въ Запорожскомъ Кошѣ, и во все продолженіе войны съ Поляками «о всѣхъ рѣчахъ и поведеньяхъ совершенно вѣдалъ и до-

сконально и пространно въ Діаріушѣ своемъ оніе описалъ.» Этотъ Діаріушъ до насъ не дошелъ, но имъ пользовался Величко, хотя и не вполнѣ. (Лѣт. Вел. I, 54). Самуилъ Зорка былъ предан Хмельницкому и сочинилъ ему надгробное слово, сохранившееся у Велички (Ч. Х. раз. IX.) Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго, удаляясь отъ дѣлъ въ село Жуки, Полтавскаго уѣзда, писалъ «Сказаніе о войнѣ козацкой зъ Поляками, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкаго, Гетьмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтехъ точившойся.» Величко былъ войсковымъ писаремъ, и единственное свидѣтельство о его жизни составлено имъ самимъ въ припискѣ къ лѣтописи.

Не довольствуясь личнымъ знакомствомъ съ дѣяніями, которыя онъ описывалъ, Величко справлялся съ другими источниками, съ Нѣмецкой исторіей Пуффендорфа, южно-Русской Самуила Зорки, и Польской Самуила Твардовскаго (Woyna domowa). Рукопись *Сказанія* украшена десятью портретами Гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, Ивана Выговскаго, Юрія Хмельницкаго, Ивана Брюховецкаго, Павла Тетери, Петра Дорошенко, Демьяна Многогрѣшнаго, Михаила Ханенко, Ивана Самойловича, Ивана Мазепы. Высокій гражданинъ, честно послужившій своей Украинѣ, онъ высказался вполнѣ на страницахъ своей исторіи. Въ заключеніи «предмовы до чителника,» онъ подписывается такъ: «истинній Малой Росіи синъ, тебѣ же, чителнику тоея жъ отчизни, всѣхъ благъ присножелательствующій братъ и слуга.» Украина для него — это мать родная: «матка наша Малая Росія;» (II. 18, 32, 34, 36). Въ его глазахъ Богданъ Хмельницкій — это Моисей, ниспосланный вывести Украину изъ Лядской неволи: «всемогущій Богъ посла имъ яко Моисея того, о немъ же пишемъ, Богдана Хмельницкаго, и даде ему смислъ и розумъ, чрезъ которій би возмоглъ отъ такъ тяжкаго ига Лядскаго волній Малороссійскій народъ освободити, и въ вожделѣнную паки пріобрѣсти свободу.» (I. 31). Лѣтопись его, къ несчастію дошла до насъ въ неполномъ видѣ, — нѣтъ начала, гдѣ былъ помѣщенъ раз-

сказъ о древнѣйшихъ происшествіяхъ, и нѣтъ конца, ибо онъ вѣроятно продолжалъ ее и послѣ 1700 года (Лѣт. Сам. Велички. Кіевъ 1848, стр. II.). Къ лѣтописямъ войнъ Хмельницкаго относятся *Реестры всего войска Запорозкою*, писанные въ два столбца на 449 листахъ—первоначальный подлинникъ реестровъ, составленный для войсковой канцеляріи осенью 1649 г.— Реестры эти опять останавливаютъ насъ тою любовью къ Хмельницкому, отъ которой не спаслось даже оффиціальное дѣло. На оборотѣ перваго заглавнаго листа помѣщенъ гербъ Хмельницкаго, и подъ нимъ слѣдующая подпись:

Старожитность, то тилько якъ бы обновила,
Же вѣкопомность явъно зновуся одкрыла
Клейнотъ, котрый Хмельницъкихъ домъ
приоздобляетъ,
Въ мужности въ правдѣ въ вѣрѣ моцъно
утверждаетъ.
(Макс. Укр. I, 164.).

Въ Кіевской Лаврѣ является попытка составить систематическое изложеніе исторіи Южной Руси и Россіи. Слѣды историческаго изученія видны уже у Самуила Велички и въ Патерикѣ Сильвестра Коссова (1635). Этотъ послѣдній въ своихъ Annotationes ссылается на Баронія, Стрыйковскаго, Длугоша, Бѣльскаго, Мѣховскаго, и др.— Игуменъ Злотоверхова монастыря Ѳеодосій *Сафоновичъ* (съ 1665) составляетъ *Хронику* о событіяхъ Россіи до 1290 г. и краткую хронику Польши и Литвы, собирая свѣдѣнія изъ лѣтописей Кіевской и Волынской и изъ Стрыйковскаго. Іеромонахъ Черниговскаго Ильинскаго монастыря въ 1699 году пишетъ другую *Хронику*, въ которой спачала идетъ всемірная исторія до 1444 г., далѣе происхожденіе Оттоманской Имперіи, исторія Польши и Литвы и Южной Россіи. Въ 1674 г. въ Кіевѣ напечатанъ *Синопсисъ* (Сокращеніе), или исторія, составленная по хроникѣ Сафоновича, и вышедшая въ свѣтъ по благословенію архимандрита Кіево-печерской Лавры Иннокентія Гизеля, происходившаго изъ Нѣмцевъ. Синопсисъ приписываютъ самому Иннокентію Гизелю.

Книга полная ошибокъ въ родѣ того, что слово *Русь* есть позднѣйшее, искаженное, а первоначальное было *Россъ*, *Россійскій*. Синопсисъ сдѣлался учебникомъ руской исторіи, и не потерялъ этого названія даже послѣ Краткаго Лѣтописца Ломоносова. Послѣднее изданіе его было въ 1836 году...... (Пекар. Наука и Лит. I, 317).

На рубежѣ XVIII вѣка, какъ будто благословляя Россію на новый путь, стоитъ *Св. Димитрій Ростовскій*, всю свою жизнь трудившійся надъ исторіей. Сынъ малороссійскаго сотника *Саввы Григорьевича Туптало*, онъ родился близъ Кіева; при Галятовскомъ учился въ Кіевской Академіи, которая въ то время была полуразрушена, и потомъ постригся въ тамошнемъ Кирилловскомъ монастырѣ. Лазарь Барановичъ въ 1675 году вызвалъ его въ Черниговъ, и посвятилъ въ іеромонахи; въ 1679 году онъ переселился въ Батуринскій монастырь Св. Николы, и въ 1684 году, по приглашенію архимандрита Варлаама Ясинскаго, явился въ Кіевѣ для собранія житій Святыхъ, начатаго Петромъ Могилою. Около трехъ лѣтъ работалъ онъ надъ первыми тремя книгами Житій, и просилъ на изданіе ихъ благословенія Московскаго патріарха; благословеніе не приходило, и Кіево-Печеркая Лавра сама рѣшилась напечатать ихъ въ 1689 году. Патріархъ Іоакимъ былъ недоволенъ этимъ, требовалъ исправленія ошибокъ, вкравшихся въ Житія, а также, чтобъ Кіевская Академія на будущее время ничего не печатала безъ его дозволенія. Удалившись въ свой скитъ, Димитрій Ростовскій въ 1693 г. окончилъ другую четверть Житій (изд. 1700 г.) а въ 1699 г. третью четверть. Петръ пригласилъ его въ Москву, гдѣ онъ и посвященъ былъ въ Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, а потомъ назначенъ Митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Въ рѣчи, при вступленіи на паству, онъ приносилъ Ростову благословеніе Кіево-Печерскихъ угодниковъ, и говорилъ: «да не смущается сердце ваше о моемъ къ вамъ пришествіи: дверьми бо внидохъ, а не прелазяй инуды: не искахъ, но поисканъ есмь, и не вѣдахъ васъ, ниже вы мене вѣдасте, судьбы же Господни

бездна многа, тыя послаша мя къ вамъ, азъ же пріидохъ, не да послужите ми, но да послужу вамъ.» Въ 1705 г. онъ окончилъ послѣднюю четверть миней. Занятый просвѣщеніемъ своей паствы, онъ, сынъ южной Руси, не могъ не обратить христіанскаго вниманія на непонятный, дикій *расколъ*, скрывавшійся въ Брынскихъ лѣсахъ. Уличая раскольниковъ въ полномъ отсутствіи у нихъ всего *христіанскаго*, онъ недовольствовался устными бесѣдами, а пустилъ въ рукописи свой *Розыскъ*. Кромѣ *Житій* онъ оставилъ церковную (вмѣстѣ съ гражданской) исторію, подъ именемъ *Келейной Лѣтописи*, доведенную до 3600 года. Какъ видно изъ письма его къ Стефану Яворскому, исторія эта назначась для Малороссіи. «Помню, писалъ онъ, что въ нашей Малороссійской сторонѣ трудно сыскать Библію славянскую, и для того я хотѣлъ бы вкратцѣ библейскую исторію преподать для вѣдѣнія книжицею не зѣло великою и умѣренною.» За тѣмъ отъ него остались: *Хронографъ* о началѣ Славянскаго народа (рукопись), *Краткій Мартирологъ*, *Лѣтописаніе царей и патріарховъ*, *и Діарій* или ежедневные записки о его жизни, написанныя на Южно-Русскомъ языкѣ и переведенныя Бантышъ-Каменскимъ на Велико-Русскій. Человѣкъ необыкновенно просвѣщенный, онъ любилъ Горація. Въ библіотекѣ его собрано было все лучшее, что тогда давала наука по исторіи, классической церковной литературѣ, и языкознанію. Библіотека его была взята въ Москву, а черновыя рукописи, по завѣщанію Святителя, были положены въ его гробъ вмѣсто подушки и подстилки. Его высоко-человѣческую кроткую личность народъ почтилъ искренней любовью и вѣрой, а церковь причислила его къ лику Святыхъ, хранителей Русской земли.

Лѣтописная и историческая дѣятельность продолжается въ Южной Руси и въ XVIII вѣкѣ. Іеромонахъ Кіевскаго Фроловскаго монастыря, *Максимъ Плиско* пишетъ лѣтопись, доведенную имъ до 1780 г. (Марк. Ист. У, 10—83, 92). *Григорій Гробянка* (ум. 1730), гадячскій полковникъ, на основаніи «лѣтописей и діаріу-

ша войны и показаній старожиловъ, пишетъ новую лѣтопись подъ названіемъ: «Небывалая брань Богдана Хмельницкаго съ Поляками, не оконченная и 10 лѣтъ по смерти Хмельницкаго,» (Кіевъ, 1854.). Малороссійскій генеральный подскарбій, Яковъ Андреевичъ *Марковичъ*, ученикъ Кіевской Академіи, и близкій къ Ѳеоѳану Прокоповичу, съ 1716 по 1768, ведетъ свои записки, изданные недавно съ портретами самого Марковича и его жены въ народныхъ одеждахъ, бывшихъ тогда общественными.» (Моск. 1859 г. двѣ части). Въ это время является замѣчательнѣйшій изъ *русскихъ* историковъ *Георгій Кониссксій*. Сынъ дворянина, родился онъ въ Нѣжинѣ, въ 1717 г., и учился въ Кіевской Академіи; потомъ былъ ея префектомъ и ректоромъ, архимандритомъ Кіево-печерской Лавры, а съ 1783 архіепископомъ Бѣлорусскимъ. Проведя всю жизнь въ борьбѣ съ католиками и уніатами *за права и вольности* Русскаго народа, онъ, между тѣмъ, работаетъ надъ исторіей своего народа, пишетъ *Исторію Руссовъ*. По свидѣтельству Григорія Андреевича Полетики, который передавалъ слова Георгія Кониссказо, лѣтопись эта «ведена съ давнихъ поръ въ каѳедральномъ Могилевскомъ монастырѣ искусными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами Кіевской Академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, и паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего и Гетьмана Зиновія Хмельницкаго и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что она притомъ *вновь* имъ пересмотрѣна и исправлена.» Исторія эта, переданная Кониссісимъ Полетикѣ, предназначалась для великаго дѣла—служить ему руководствомъ по должности его депутатомъ въ Коммисіи проекта новаго уложенія....... Максимовичъ выразилъ сомнѣніе, чтобъ этотъ трудъ, въ которомъ встрѣчаются ошибки, принадлежалъ Конисскому, отлично знакомому съ исторіей. (Кіевлян. 1865 г. 24). Но свидѣтельство самаго Конисскаго, которое мы сейчасъ привели, его художественный языкъ, повторяющій-

ся и въ другихъ сочиненіяхъ, его благородный характеръ, — все это не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что *Исторія Руссовъ* принадлежитъ Конисскому. Гражданинъ своей земли, искренно ее любившій, мѣстами Конисскій повторяетъ въ себѣ классическихъ историковъ, влагавшихъ въ уста своихъ героевъ рѣчи, которыхъ они не говорили, но сказать могли, и не смотря на эту восторженную любовь къ своимъ героямъ, онъ пишетъ *исторію дѣйствительную*, дѣйствительно пережитую южно-русскимъ народомъ. Безсмертный трудъ Конисскаго изданъ Бодянскимъ (Чтенія 1846—7), имъ же потомъ составлено «Подробное изложеніе исторіи Руссовъ.» (Чтенія 1846—7, III). Изданіемъ Конисскаго въ 1846 году, въ первой книгѣ Чтеній открылся 1-й годъ этого почтеннаго изданія Московскаго *Общества Исторіи* и *Древностей*. Отъ Конисскаго остались еще: сочиненіе Prawa i Wolnosci, изд. въ 1767 году, въ Варшавѣ, и *Записки объ уніи* (Чтенія 1847, № 8). Къ 1722 г. относится *Діаріушъ или журналъ* войсковой канцеляріи старшаго канцеляриста *Николая Ханенко*. Ханенко принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ мужамъ Южной Руси первой половины прошедшаго столѣтія. Потомокъ Стефана Ханенко, запорожца, который билъ Крымцевъ, правнукъ и внукъ людей, занимавшихъ значительныя мѣста въ войскѣ Козацкомъ сынъ наказнаго лубенскаго полковника Данилы Ханенко, онъ лишился своего отца въ малолѣтствѣ, главное образованіе получилъ въ Кіевской Академіи, потомъ поступилъ въ военную службу, былъ при Гетманѣ Скоропадскомъ старшимъ канцеляристомъ и съ этого времени велъ свой *Діаріушъ*. Въ Малороссіи учреждена была Коллегія, для денежныхъ сборовъ, а, между тѣмъ, по желанію ея президента Вельяминова, вытребована была въ Петербургъ вся генеральная старшина, вмѣстѣ съ наказнымъ Гетманомъ и туда же отправился Ханенко. Николай Даниловичъ служилъ потомъ наказнымъ полковникомъ, участвовалъ во многихъ битвахъ, и былъ предпослѣднимъ генеральнымъ хорунжимъ. «Въ его Діаріушѣ, — говоритъ Бодянскій» —

слышимъ мы разсказъ непосредственнаго очевидца многому, въ то время совершавшемуся въ Бѣлокаменной, и притомъ очевидца, вовсе недумавшаго о гласности, но записывавшаго для себя, «памяти ради,» и удовлетворенія собственной любознательности. Потребность эта проявилась въ немъ еще до поѣздки его въ Великую Россію, какъ показываетъ то другой *журналъ* его, начатый имъ за два года съ небольшимъ до того, и оставленный только незадолго до смерти. (Бодянск Чтенія 1858. I, Смѣсь). Отъ него осталась еще *Переписка*, разоблачающая дѣятельность преемника Мазепы, бывшаго генеральнаго писаря, а потомъ Гетьмана *Орлика*. (Чтенія 1847. I). Петръ Ивановичь *Симоновскій*, тоже воспитанникъ Кіевской Академіи, учился потомъ въ Варшавѣ, былъ за границей съ дѣтьми Гудовича, слушалъ профессоровъ во многихъ университетахъ, и, воротясь на родину, составилъ въ 1765 году *Краткое описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ*, доведенное имъ до пріѣзда Гетьмана Разумовскаго. Это *Краткое описаніе* есть нѣчто иное, нежели показываетъ заглавіе, именно полная исторія Южной Руси, писанная большею частію по документамъ. (Чтенія 1847, 2). Указатель къ *краткому лѣтописцу* составленъ Клевановымъ. (Чтенія 1848, 8). Упомянемъ еще о запискахъ *Чепы* (18 книгъ in f.), издавшаго въ 1798 году *Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ* (Бант.—Кам. И. Мал. Росс. изд. 2. т. I, VIII), о запискахъ о Малой Россіи Шафонскаго и о его же *Краткомъ географическомъ и историческомъ описаніи Малой Россіи*, 1786 года. Къ концу того же XVIII вѣка принадлежитъ еще одинъ замѣчательный историкъ Южной Руси *Ригельманъ*. Иностранецъ, хотя и православный, закинутый судьбою въ этотъ прекрасный край, онъ женился на украинкѣ, сдѣлался тамошнимъ помѣщикомъ, и, какъ видно, горячо полюбилъ свою новую отчизну. «Такое—говоритъ Бодянскій—чудное и единственное въ своемъ родѣ общество не могло не поразить юнаго, любознательнаго и просвѣщеннаго инженера (Ригельмана). Свѣдѣнія, сообщаемыя

имъ, обличаютъ человѣка, хорошо сжившагося съ тѣми, кого описываетъ, и описываетъ въ высшей степени достовѣрно, подробно и безпристрастно.» Еще въ 1778 году, во время пребыванія на Дону, онъ составилъ *Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи*, состоявшее изъ двухъ частей. Проводя остальные дни своей жизни въ деревнѣ, онъ передѣлывалъ и дополнялъ свою исторію, и она выросла до 4-хъ частей. Къ его исторіи приложено 27 изображеній Малороссіянъ разныхъ сословій, безъ сомнѣнія, въ народныхъ костюмахъ, ибо другихъ они не знали, портретъ Гетьмана Хмельницкаго, и двѣ карты древней и новой Малороссіи. Кромѣ того отъ Ригельмана остались «Исторія о Донскихъ козакахъ,» 1778 г. тоже съ 17 изображеніями древняго и новаго одѣянія Донцовъ, и еще «Изъясненіе о Козлярской Крѣпости» 1754 годи. Исторія Ригельмана, какъ и всѣ почти указанныя нами лѣтописи и историческія сочиненія открыты и изданы Бодянскимъ. Г. Бодянскій этимъ дѣломъ оказалъ великую услугу родной ему южной Руси, за которую глубоко почтутъ его позднѣйшіе потомки.....

Такъ какъ цѣль наша—не історіографія Южной Руси, а попытка указать на высоко-развитое гражданское чувство Южно-русскихъ лѣтописцевъ и историковъ,—то мы ограничимся однимъ лишь перечисленіемъ послѣднихъ дѣятелей, занимавшихся исторіею и закончившихъ собою Кіевскій періодъ южной Руси. Всѣ они воспитанники Кіевской Академіи. Такими были: Василій Григорьевичъ Барскій (1702—1747), Николай Николевичъ Бантышъ-Каменскій (1738—1814) и почтенный сынъ его Дмитрій Николаевичъ, обезсмертившій себя *Исторіей Малой Россіи* и *источниками Малороссійской Исторіи* (Чт. 1858, I,); иностранецъ *Миллеръ*, который, подобно Ригельману не могъ не увлечься судьбами Малороссіи, (Чтенія 1847, III, V, VI.) Максимъ Ѳедоровичъ *Берлинскій* (1764—1848) (Макс. Врем. V. См. 38), Василій Григорьевичъ *Рубанъ* (1739—1795), и нѣкоторые другіе.

IX.

Таково было высокое значеніе Кіевской Академіи, собравшей въ своихъ стѣнахъ всѣ силы, кипѣвшія тогда въ Южной Руси. Ослабляемая со всѣхъ сторонъ, она нѣсколько ожила при митрополитѣ Гедеонѣ, кн. Четвертинскомъ (ум. 1690); но съ этихъ поръ упадала, а воспитанники ея переходили на сѣверъ для участія въ новой жизни, несли съ собой *просвѣщеніе*, но съ новой жизнью не такъ-то ладили.

Въ 1686 г., іерусалимскій патріархъ Досифей писалъ къ царю: «нынѣ въ той странѣ, глаголемой Козацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитаютъ неподобная мудрованія въ монастырѣхъ.... довольно бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися черезъ философію и суетную прелесть.... исповѣдуемъ быти козаковъ православныхъ, обаче многіе разслѣнные имѣютъ правы, ихъ не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ. (Пек. Наук. и Лит. I, 2—4). Не смотра на это патріархъ Андріанъ далъ *дозволеніе* митрополиту Кіевскому переложить новоизданный полный переводъ провославнаго исповѣданія *на малороссійское нарѣчіе*, и напечатать у себя. Москва, слѣдовательно, возставала не противъ печатанія на чужомъ языкѣ,—а только противъ многихъ несогласій съ православнымъ ученіемъ. (Опис. Слав. рук. II, 2, 597).

Со времени Петра Кіевское просвѣщеніе пріобрѣтаетъ на сѣверо-востокѣ полное господство. Кіевъ далъ и ученыхъ, и первые учебники, и переводы извѣстныхъ сочиненій; но и тутъ не обошлось безъ того, чтобъ не объявили Ѳеоѳана Прокоповича ни больше, ни меньше какъ въ *безбожіи*.

Прокоповичъ, сынъ бѣднаго Кіевскаго мѣщанина, послѣ смерти отца, жилъ съ матерью въ крайней нищетѣ. Поступивъ въ Кіевскую Академію, онъ тотчасъ же сталъ выше своихъ товарищей. Назвавшись Уніатомъ,

онъ изъ Кіева отправился учиться въ Литву, во Львовъ, въ Вѣну, Флоренцію и Римъ. Въ Римѣ онъ поступилъ въ Коллегіумъ Св. Аѳанасія, учрежденный папою Григоріемъ XIII, усердно занимался науками, работалъ въ библіотекахъ, и такимъ образомъ «въ самой столицѣ католическаго міра собиралъ матеріалы для будущихъ нападокъ на папежскій духъ.» Въ 1702 году онъ возвратился въ Малороссію, и вступилъ преподавателемъ въ Кіевскую Академію. Встрѣча съ Петромъ I въ Кіевѣ въ 1706 и 1709 гг., среди Полтавскихъ ликованій, сопровожденіе Петра въ опасный Турецкій походъ 1711 г., рѣшаютъ его судьбу. По возвращеніи изъ похода, онъ былъ выбранъ въ игумены Кіево-Печерскаго монастыря, и въ ректоры Академіи, и эту должность, по словамъ Евгенія, проходилъ съ такою славою, какой предшественники его еще не имѣли. Въ 1716 г. онъ вызванъ въ Петербургъ, и сдѣланъ архіепископомъ и вице-президентомъ Синода. Онъ писалъ драмы, элегіи; Ломоносову помогъ вступить въ университетъ, поощрялъ Кантерміра, содѣйствовалъ изданію книги Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ,» напечатанной за границей, и при Елисаветѣ запрещенной. Согласно характеру времени, его проповѣди выходили политическими памфлетами, а законодательные памятники—сатирой. Ненавидя старое, онъ работалъ для новаго и шелъ къ своей цѣли, не стѣсняясь никакими средствами.—Но умеръ Петръ, и онъ былъ обвиненъ *въ безбожіи*. Прокоповичъ умеръ въ 1736 г., завѣщавъ свою библіотеку Новогородской Семинаріи, а имѣніе—на богоугодныя заведенія и на полезныя учрежденія (Пекар. Наук. и Лит. при Петрѣ I, 339—494; Чтенія 1862, I; 1864, IV.).

Кіевская Академія существовала еще въ XVIII в., выпуская изъ своихъ стѣнъ лучшихъ дѣятелей новой Россіи—духовныхъ, ученыхъ и государственныхъ людей, каковы: *Завадовскій*, *Безбородко*, *Трощинскій*, и т. д. Съ 1721 г. Кіевская типографія подчинена Синоду, и ей предписано: «а другихъ никакихъ книгъ, ни прежнихъ ни новыхъ, не объявя объ оныхъ въ духовной коллегіи—

въ тѣхъ монастыряхъ не печатать, и кромѣ того справлять книги съ велико-русскими печатьми,» дабы никакой розни и *особаго нарѣчія* въ оныхъ не было (Пекар. II, 670). Указомъ 1817 г. Кіевская Академія обращена въ *Семинарію*. Извѣстно, что при Петрѣ Могилѣ Польскій языкъ былъ исключенъ изъ учебныхъ предметовъ Академіи; но теперь, когда польскій панъ сталъ рускимъ помѣщикомъ, явилось предположеніе устроить Кіевское просвѣщеніе *главнѣйше на Польскомъ языкѣ*. Предположеніе это вызвало въ Малороссіи протестъ. (Чтенія 1861, I, см. 168). Южно-русскіе ученые, явившись въ Москву, принесли ей *просвѣщеніе*, и, безъ сомнѣнія, знаніе Польскаго языка. Между тѣмъ Москва начинаетъ (въ высшихъ сословіяхъ) ополячиваться; посадскіе люди или граждане обращаются въ *мѣщанъ* (польское названіе), дворяне—въ *шляхетное сословіе*, *охабень* мѣняется на *кунтушъ*, и учитель изъ дьячковъ на учителя *Поляка*.... Тутъ ужъ ни въ чемъ неповинны были Кіевскіе ученые и Кіевская Академія. Но не смотря на то, рускій историкъ, забывъ, что это ополяченіе началось съ самаго *смутнаго времени*, рѣшается сказать, что западно-русскіе ученые, принесли къ намъ *польское вліяніе*, и Рускій языкъ запестрѣлъ *полонизмами*.... (Сол. Ист. Рос. XIII. 228). Нѣтъ, не Кіевскіе ученые были виноваты въ томъ, что высшія сословія ополячивались и онѣмечивались, когда сами русскіе историки еще продолжаютъ заявлять, что велико-русскій народъ могли спасти не южно-русскіе ученые, а Нѣмцы: *нужны были Нѣмцы для этого* (т. е. для просвѣщенія), *нужно было ѣхать не въ Кіевъ* (!?). *а въ нѣмецкія государства* (Сол. Ист. Рос. XIII. 229).

Таковы судьбы Кіевской Академіи. Она была душою края,—была хранительницей Южно-Русскаго языка. Напрасно Буслаевъ, въ своей Христоматіи,—въ этомъ трудѣ, предназначенномъ для *преподаванія*, постоянно называетъ Южно-Рускій языкъ этого времени *Польско-Русскимъ*,—напрасно и Соловьевъ пишетъ слѣдующія не историческія вещи: «у западно-русскихъ людей не было

своего книжнаго языка: они писали или на такъ называемомъ Церковно-Славянскомъ языкѣ, или по-латыни, или по-польски; литература Польская доставляла имъ много матеріала.» (Сол. Ист. Рос. XIII. 228). Правда, въ Южно-Русскомъ языкѣ есть много Польскихъ словъ, но назвать этотъ языкъ *Польско-русскимъ*, забывъ объ его исторіи, также умно, какъ назвать языкъ *Велико-Русскій* татарско-русскимъ, потому только, что въ него вошло много татарскихъ словъ. (См. Muchł. Zródłost.). Здѣсь-то, въ стѣнахъ Кіевской Академіи и Кіевскихъ Семинарій выростали и воспитывались и дѣти послѣдняго изъ козаковъ и самые знатные изъ Малороссійскаго дворянства: изъ нихъ-то вышли всѣ великіе люди южно-русскаго народа...... Несправедливо говорили Поляки, что козаки—это ни больше, ни меньше, какъ *разбойничья шайка* (łotrowstwo kozackie), несправедливо писалъ и Самойловъ, что Запорожцы—это *мамелюки, разбойники, бродяги, развращенные* (Бартенева, Рус. Арх. 1867, стр. 1024—5), и, наконецъ, сами историки велико-русскаго народа говорили, что козаки—это не что иное, какъ *искатели зипуновъ* (Сол. Ист. Рос. XIII. 49). Такъ говорить—непростительно, это значитъ не понимать исторіи своего народа. Но интересно знать, что были даже Поляки, которые лучше относились къ Южнорусскому народу. Мы позволимъ себѣ привести одно извѣстіе, относящееся не къ половинѣ XIX вѣка, когда русскіе историки позволяли обзывать цѣлое русское племя *искателями зипуновъ*,—а къ половинѣ XVI вѣка. Извѣстный геральдикъ, Папроцкій, въ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1575 году, «do Polakow,» говорилъ:

A nie chciejcie rozumieć bym im pochlebował,
Nie dawnosci w tym Kraju, nie z nimi się chował,
Alem zaraz zrozumiał sprawy ich poczciwe,
Ktore godne nawieki, a by były żywe. . .
. . . .
Chociaż we pstrych, sukienech oni to nie chodzą,
Ale w sławie snadz droższey niż we złocie brodzą.
Ta o tym cnym narodzie wszędzy, zacnie słynie
Y będzie wiekom wiecznie choccoż Polska zginie.

Это значитъ по-русски: «Недумайте, что я льщу Русскимъ: я недавно еще между ними, и не съ ними воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, заслуживающія вѣчной памяти въ потомствѣ.—Не носятъ они пестрыхъ одеждъ; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ.—Слава этого народа распространена всюду, и останется за нимъ на вѣки вѣчные, *хотя бы Польша и погибла* (П. К. въ СПБ. Вѣд. 1867.).

Поборникъ *Христіанства*, защитникъ Московскаго царства отъ Поляковъ и Крымцевъ, козакъ прежде всего учился въ Семинаріи, преимущественно же въ Кіевской Академіи, и если прежде не былъ монахомъ, то послѣ нерѣдко шелъ въ монастырь. Изъ Кіевской Академіи, вышли: *Богданъ Хмельницкій*, получившій въ ней отличное образованіе, знавшій языки Греческій, Латинскій, Польскій, Татарскій, Нѣмецкій, Французскій и Молдавскій,—*Тетеря*, *Сомко*, *Сѣрко*, *Самойловичъ* и т. д. И такъ козаки были хранителями *науки*, *просвѣщенія* и даже *поэзіи*... Въ козацкомъ быту выросъ и развился новый историческій эпосъ, какимъ не можетъ похвалиться ни одно Славянское племя.

X.

Украинская *дума*, съ ся разнообразной, вольной мѣрой стиховъ, изрѣдка переходящей въ лиру, начинаетъ свою жизнь отъ Слова о Полку Игоревѣ. Думы по большей части современны самому событію (Кулишъ. Зап. I. 179). Они слагались прежде всего пѣвцами, которые пѣли, играя обѣими руками на многострунной бандурѣ. Изъ далекихъ временъ битвъ съ Татарами донеслась до насъ дума о смерти козака бандуриста. Козакъ вышелъ изъ битвы израненнымъ, потерявъ саблю и коня, и вотъ, ожидая смерти, сидитъ онъ на *могилѣ* (хелмъ) и прощается съ своей бандурою. Дума начинается великолѣпнымъ вступленіемъ, описывающимъ поле битвы:

Ой на татарскихъ поляхъ,
На козацкихъ поляхъ,
Не вовки-сіроманці квилять—проквиляють,
Не орли—чорнокрильці клекочуть і підъ небесами літають:
То сидить козакъ старесенький,
Якъ голубонько сивесенький,
У кобзу грае—виграває,
Голосно співає.

И свою бандуру, друга своего милаго, онъ оставляетъ среди степи на могилѣ,—пусть буйный вѣтеръ, пролетая по степи, задѣваетъ ея струны:

Кобзо жь моя, дружино вірная,
Бандуро моя малеваная!
Де жъ мині тебе діти?
А чи у чистому степу спалити?
И попілець по вітру пустити?
А чи на могілі положити?
Нехай буйний вітеръ по степахъ пролітае,
Струни твоі зачипае,
Смутнесенько, жалібнесенько грае—виграває....
(Кул. Зап. I. 185)

Думы и пѣсни слагаются также самими дѣйствующими лицами кровавой трагедіи. (Кул. Зап. I. 193). Такъ преданіе приписываетъ Хмельницкому пѣсню про бѣдную Украйну въ образѣ плачущей чайки:

Ой бѣда, бѣда
Чайцѣ небозѣ,
Що вивела дѣтки
При битий дорозѣ. (Макс. Пѣсни. 1827. 12. 214.)

Козаку Климовскому, жившему около 1724 г., приписывается пѣсня: «іхавъ козакъ за Дунай.» (ib. 83, 216).

Козацкія думы, начинаясь отъ битвъ съ Татарами, и оканчиваясь битвами съ Поляками, тянутся чрезъ всю исторію Южной Руси, начиная отъ ея первыхъ князей—воеводъ и до событій начала текущаго столѣтія, и составляютъ такимъ образомъ непрерывную поэтическую лѣтопись Украйны. Есть думы, которыя доходятъ до 400

стиховъ, и если вспомнимъ, что, кромѣ громаднаго количества, изданныхъ въ свѣтъ, остается еще множество думъ, или забытыхъ народомъ, или неизданныхъ,—то поэтическое творчество Южной Руси явится изумительнымъ. Какія бы безсмертныя созданія могли возникнуть въ Южно-русской литературѣ, если бъ она перешла изъ своего естественнаго состоянія въ художественное, какъ Шекспиръ перешолъ въ Шекспира поэта! Драгоцѣнные памятники Южно-русской музы не всѣ еще изданы, да и тѣ, которые изданы, раскиданы и не собраны въ одно цѣлое.

Въ XIII вѣкѣ Кіевъ разрушенъ Батыемъ, и съ этихъ поръ начинаются думы и пѣсни *о Татарахъ*. Это думы *невольничьи* (Макс. Пѣсни 1849. 10), думы *о Татарахъ и Туркахъ* (Евец. От. Зап. т. XV, пѣсня XI—XVII), о козацкихъ могилахъ, усѣявшихъ Южно-русскую землю,— *о Савуръ-могилѣ* (Макс. 1849, 15; Кул. Зап. I, 14), *о могилѣ трехъ братьевъ* (Кул. I, 17), объ освобожденіи Христіанъ изъ неволи,—о томъ, какъ

тая козацкая слава
Що по всёму світу дибомъ стала,
Що по всёму світу степомъ розляглась—простяглась,
Да по всёму світу луговимъ гоміномъ роздалась,
Туреччинѣ да Татарщинѣ добримъ лихомъ знати
далась...
(Макс. Кіевл. 153).

Отъ 1493 года доносится пѣсня про *Малаго Гарею*, т. е., *Менгли-Гирея*, опустошавшаго Украйну (Метлин. 373), отъ 1534 обломокъ пѣсни про *Венцеслава Хмельницкаго* (Метл. 374; Макс. 1834, 82) и цѣлая поэма въ 400 стиховъ *о Самойлѣ Кушкѣ*, который бился съ Турками на Чорномъ морѣ, и умеръ въ Турецкомъ плѣну. (Макс. 1849. 31.) Поетъ пѣсня про *Дашковича*, одного изъ первыхъ козацкихъ вождей (Макс. 1834. 2.), оплакиваетъ предводителя козаковъ, русскаго князя Дмитрія *Вишневецкаго*, въ 1574 г. замученнаго Турками (Евецк. От. Зап. т. XV, пѣсня № 1.), и его же прославляетъ подъ народнымъ именемъ *Байды* (Макс.

1859. 4; Голов. I, I; Макс. 1834, 106; Паули I, 130). Въ 1574 году опять оплакиваетъ *славу дней своихъ*, Ивана *Свирговскаго*, тоже погибшаго отъ Турокъ (Морд. 181; Макс. 1834, 71); въ 1575 поетъ о *Богданкѣ*, первомъ Запорожскомъ Гетьманѣ, установившемъ въ первый разъ генеральную козацкую Старшину (Макс. 1834, 47); въ 1575—77 хоронитъ *Безроднаго*, куреннаго атамана при Богданкѣ, погибшаго отъ Татаръ (Макс. 1849. 25; Метл. 440; Макс. 1834, 5), славитъ черноморскій походъ гетьмана Серпяги (Макс. 1849. 27), оплакиваетъ смерть его (Макс. 1834. 48; Морд. 183.), и въ 1589 году поетъ про *Богуславца*, сподвижника въ новомъ морскомъ походѣ при Скалозубѣ (Макс. 1834, 81.) Поетъ про битвы на Чорномъ морѣ *при Варнѣ*, (2605 г.) (Евец. 11; Рус. Днѣстр. 118; Паули 1, 135, Голов. 3), *при Синопѣ*, *Трапезундѣ*, поетъ *про взятіе Варны* (1616) Гетьманомъ Сагайдачнымъ, какъ это изображено на картинѣ 1622 г. приложенной къ стихамъ на погребъ Сагайдачнаго. Къ этому же періоду Татарско-Турецкихъ войнъ принадлежатъ думы *о побѣгѣ трехъ братьевъ* изъ Татарской неволи *въ Азовѣ* (Макс. 1834. 9; 18.9, 19; Кул. Зап. 1. 32), о *бурѣ на Черномъ морѣ* при Самуилѣ Зборовскомъ (Макс. 1849. 48; 1834, 14; Кул. Зап. I. 28), о томъ, какъ козаки, покинувъ Запорожье, «пливли зъ Днiпра въ Чайскъ двiсти,—пливли та на Чорнее море».... (Метл. 374).

Межъ тѣмъ историческія судьбы выдвигали новаго врага Украйны—Поляковъ.—«Народъ Украинскій бѣдовалъ подъ игомъ Поляковъ и Жидовъ. Его достояніе было раасхищено: одни нищіе оставались безопасны. Земля его стала погономъ разбойниковъ, и нивы были не засѣяны, и пастбища пусты. Вѣра его была попрана; рабами жидовъ были служители церкви. Цвѣтъ народа Украинскаго, козаки, которыхъ отвага когда—то славилась, козаки, гордые именемъ защитниковъ Христіанства, теперь унижались передъ прихотью своихъ льстивыхъ владыкъ «(Срезн. Зап. Стар. II, Ц). И вотъ пѣсни поютъ *про пановъ* (Голов. 20), *про Унію*, *про Ляховъ*,

про рейментаря, совершавшаго всякія насилія (Голов. 29), про *Жидовъ—арендаторовъ* (Кулишъ 1, 56), *про Бондарувку*—жертву шляхетскаго разгула (Морд. 202), про *побѣгъ Украинки*, увезенной ляхами (Макс. 1827, 121). Рядъ думъ, помѣченныхъ годами, открывается думами 1596 г., которыя вызваны были прежде всего—разгуломъ волынскаго боярства (возстаніе Косинскаго и Лободы), и борьбою съ польщизной—думы о томъ, *якъ Наливайко зъ Ляхомъ бився* (Макс. 1834. 21, 84), про сожженіе Могилева Наливайкой (Срезн. Зап. Стар. I, 36), про *Тетеренку* (Пасс. Оч. Росс. III. 192), про *Лободу* (Макс. 1839. 88). Дума подробно разсказываетъ кровавый эпизодъ объ *Иванѣ Голомъ* и *Саввѣ Чаломъ* (Макс. 1834, 86, 90; 1827, 33; Морд. 197; Голов. 18; Осн. 1862, Сент.), поетъ про *побѣду Чигиринскую* (Макс. 1849. 53), о *сборѣ Сулимы* на Поляковъ въ 1633 г., о *походѣ на Поляковъ Сомки мушкета* 1637. (Макс. 1834. 27; 1849, 57), *про Чурая*, замученнаго въ Варшавѣ (Макс. 1834, 95), про славнаго Гетьмана *Хвеську Кганжу Андыбера* (Метл. 377; Кул. I, 200, 319), про *осаду Львова* въ 1648 (Евецк. III.)

Съ возстаніемъ Хмельницкаго открывается цѣлый потокъ пѣсенъ и думъ про Украйну, которая

Вся кривцею обкипила,
Ой якою? Козацькою,
Вполовину изъ Лядською......

Дума 1647 г. описываетъ коварство *Барабаша* (Метл. 385; Кул. I, 166; Макс. 1849, 64; 1834, 36), битвы Хмельницкаго—*Пилявскую*, *Желтоводскую*, *Корсуньскую* (Макс. 1834. 96; 1849, 67; Голов. 4; Срезн. III, 12, 20; Кул. I, 223), поетъ про *Перебійніса* (Максимъ Кривоносъ), работавшаго на Волыни и Подоли, и погибшаго въ 1648 году (Метл. 399: Макс. 1834, 101.), о *походѣ Хмельницкаго въ Молдавію* 1649 г. (Макс. 1827. 30; 1834. 40; 1849, 71; Срезн. Зап. Ст. 28), *про Хмельницкаго и Василія Молдавскаго* (Метл. 391.) 7, *про Нечая* 1651 (Метл. 403; Макс. 1837, 97; Голов. Евец. IV, V.), такъ его описывая:

Чи не той-то хміль, хміль,
Що у пиві грае?
Чи не той-то козакъ Нечай,
Що Ляшківъ рубае?
Чи не той-то хміль, хміль,
Що у пиві кисне?
Чи не той-то козакъ Нечай,
Що Ляшенськівъ тисне?

Съ особеннымъ вниманіемъ наболѣвшей души дума останавливается на *битвѣ подъ Берестечкомъ* и на *Бѣлоцерковскомъ мірѣ* 1651 г. (Макс. 1849. 74; Метл. 352, 377. 413; Кул. I, 51; Морд. 185, 186), поетъ *про Ивана Бочуна* (Метл. 407), про *Козубая* (Голов. 6), про *битву Жванецкую* 1653 г. (Срезн. 35.), про *Морозенко*, героя 1655 г. (Голов. 5; Морд. 193; Метл. 408; Паули I. 146; Срезн. 14; Макс. 1834, 74), про его смерть въ 1678 г. (Евец. VI—VII; Морд. 193; Срезн. 55); описываетъ войны Хмельницкаго (Кул. I, 271; II, 253), и наконецъ плачетъ надъ его могилою, въ 1657 году (Макс. 1849, 77; 1834, 43; Метл. 395; Срезн. 40; Кул. I, 322)......

По присоединеніи Украйны къ Московскому царству въ 1654 год , дума продолжаетъ пѣть въ 1657 г. про *Юрія Хмельницкаго* (Срезн. 55), про *Юруся Хмельниченко* и *Павла Тетеренко* (Метл. 395), про *Виговскаго* и *Пушкаря* (Срезн. 47; Макс. 1849. 50; Пасс. Оч. I, 217), про *Веремія Волошина* (Метл. 413); поетъ безчисленныя пѣсни, періода 1665—1676 г., про Гетьмана *Петра Дорошенко* и *Грицька Сагайдачнаго* (Макс. 1827, 18; Кіевл. III, 153; Макс. 1834, 105; Голов. 26), про битву 1675 г. *подъ Почаевымъ* (Морд. 188), про *осаду Вѣны* Турками, въ 1683—87 г. (Евец. IX), въ 1687 году про *Ивася Вдовиченка* (Метл. 413), про *Ивана Коновченка* (Гол. 9; Евецк. X; Макс. 1834, 52; 1849, 81., про *Ляховъ 1687 года* (Макс. 1834. 108). Около Полтавы слагается новый рядъ пѣсенъ и думъ *о Палеѣ и Мазепѣ* (Макс. 1849. 88; 1834, 57; Осн. 1862, Авг.), *о Палеѣ въ темницѣ въ Сибири*

(Срезн. 62. 68; Кул. I, 115, 123; Макс. 1834, 113), *про измѣну Мазепы* (Макс. 1834. 110), въ 1702 объ *Абозинѣ* (Голов. 12), въ 1709 *про Гордіенка* (Срезн. 71, Макс. 1834. 109). про *Полтавскую битву* (Срезн. 72, 76), про *смерть Мазепы* (ib. 79—81.), про *битву подъ Солонковцами* (Голов. 13), о томъ, какъ Ляхи въ 1735 г. искали дорогу *на Лугъ* (Голов. 15), про *Пятигоры* (ib. 16); въ 1736 г. *о Степкѣ Жадченкѣ* (Макс. 1837. 114), *о пикинірахъ* 1738 г. (Макс. 1834, 115; Осн. 1862. Авг.)

Наступаетъ послѣдняя—минута, въ которую вся злоба дня падаетъ на бѣдную Украйну: то—Коліівщина и Уманьская бѣда. Украинская бандура, облитая кровью, допѣваетъ послѣднія свои пѣсни: въ 1766 г. *про сотника Хорька* (Метл. 425, 427; Макс. 1834., 121; Голов. 21; Кул. I. 95; Морд. 191), про *Галайду*, (Метл. 527), еще разъ возсозданнаго Шевченкомъ въ его Гайдамакахъ; въ 1768 г. *про Швачку*, (Голов 17; Макс. 1834, 128), *про Коліівщину*, иль о томъ, *якъ Залізнякъ, Гонта Лихівъ покаравъ.....* (Макс. 1834, 122, 126; Евец. XVIII—XXI; Голов. 26), о томъ, какъ Ляхи мучили Гонту, кожу сдирали, голову облупили, солью насолили, а панъ рейментарь, похаживая кругомъ, говорилъ:

Дивітеся люде!

Хто ся тілько збунтувавъ, то всімъ тее буде!.....

Съ тѣхъ-то поръ *народъ Русскій* ужь больше не бунтовалъ *противъ Ляха:* Ляхъ сталъ бунтовать *противъ Россіи.....*

Полягла козацька молодецька голова,
Якъ одъ вітру на степу трава....

Еще нѣсколько времени слышатся пѣсни *о золотой польской граматѣ* (Кул. I, 149), думы про *гайдамаківъ* (Голов. 152—176; Макс. 1854, 172), *про Січъ, про Чупруна, Калнима, Петра Кошевенко* (Метл. 429); въ 1678 про гайдамака *Швачку* (Кул. I, 175, 293), *про Сербина, Гаркушу* (Макс. 1837. 130), наконецъ о томъ, *якъ Січъ руйнували* въ 1775 г. (Осн. 1862 авг., окт.), какъ козаки звали *Хорька* встать изъ гроба (Макс.

1834, 127. Кул. I, 289, 321; Срез. 17.), да еще пѣсни *о Пугачѣ* (Макс. 1834, 129; 1827, 19). Затѣмъ пѣсня останавливаетъ на минуту свое вниманіе *на Очаковской битвѣ* 1788 г. (Макс. 1834, 132; Срезн. 22), на судьбахъ *Измаила, Яниколя* (Метл. 43), *Хотина* (Голов. 21; Макс. 1834 116); поетъ *про Коломыю*, о Козацкомъ *ополченіи* 1790 (Кул. I, 67), о войнѣ съ Польшею 1792 (ib. 73, 165), о томъ, какъ лиманъ плакался морю. .. (Макс. 1827, 11; 1834, 141). Слышатся еще двѣ-три пѣсни *про уланскую вербунку* (Макс. 1834. 161), *про Костюшку, Потоцкаго, Пуловскаго* (Голов. 26), а потомъ *пѣсни рекрутскія* (Шейк. Бытъ Подол. I, 49. Морд. 255).... Отселѣ, говоритъ Максимовичъ, на усталыхъ струнахъ Украинской бандуры повторяется только прежнее, иногда съ передѣлкой на новый ладъ....
